

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ

ИЛИ

ЖИЗНЬ ГАВРИЛА ДОБРЫНИНА,

ИМЪ САМИМЪ НАПИСАННАЯ.

1752—1827.

Сынъ священника, затѣмъ пѣвчій, келейникъ и секретарь Сѣвскихъ архіереевъ, впослѣдствіи чиновникъ въ Бѣлоруссіи въ эпоху возвращенія этого края нашему отечеству—Добрынинъ оставилъ послѣ себя весьма интересныя записки. Подлинникъ ихъ занимаетъ двѣ толстыя тетради и дѣлится на три части: первая—обнимаетъ время съ 1752 по 1777 г., вторая—останавливается на 1810 г. и, наконецъ, третья—доведена до 1827 г. Въ первой, самой обширной, авторъ описываетъ дѣтство и молодость, проведенныя имъ въ средѣ низшаго и особенно высшаго духовенства. Эта часть написана Добрынинымъ въ 1787 году, именно въ то время, когда онъ только что вырвался изъ прежней колеи своей жизни, написана имъ на 35-мъ году отъ роду, въ полномъ развитіи физическихъ и душевныхъ силъ, тѣмъ и объясняется необыкновенная свѣжесть и живость красокъ его разсказа. Пишетъ Добрынинъ весьма своеобразно: слогъ его для современнаго читателя покажется мѣстами тяжелъ, какъ вообще языкъ „книжныхъ“ людей прошлаго столѣтія, но тяжеловѣсность слога искупается мастерствомъ разсказа и весьма замѣчательнымъ юморомъ. Съ самымъ спокойнымъ тономъ Добрынинъ повѣствуетъ объ уморительнѣйшихъ эпизодахъ изъ своей жизни—причемъ нерѣдко является ршеннымъ художникомъ: такъ поразительно живы набрасываемыя бытовыя картины, типы духовныхъ сановниковъ, помѣщиковъ, чиликовъ, губернаторовъ... Необходимо при этомъ замѣтить, что Добрынинъ писалъ не для печати; тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ его труда, ма близко знакомый съ современною ему переводною и оригинальною

русскою словесностью (иностранныхъ языковъ онъ не зналъ), авторъ усвоилъ себѣ всѣ приемы даровитыхъ писателей: онъ почти вовсе не даетъ мѣста такимъ мелочамъ, которыя бы не имѣли ни интереса, ни значенія, но почти всегда выдвигаетъ только такія подробности, которыя чрезвычайно ярко окрашиваютъ современное ему общество и болѣе крупныхъ въ немъ дѣятелей, съ которыми только приходилось ему сталкиваться. Въ этомъ отношеніи особенно хороша первая часть записокъ Добрынина; на нее мы обращаемъ особое вниманіе читателей: многія страницы въ ней положительно напоминаютъ то исполненныя смѣха и слезъ картины великаго художника Гоголя,—то яркіе очерки писателя, столь безвременно сошедшаго въ могилу—Помяловскаго....

Независимо отъ несомнѣнныхъ литературныхъ достоинствъ, записки Добрынина для „Русской Старины“ дѣроги еще и тѣмъ, что они какъ бы восполняютъ другой замѣчательный историко-литературный памятникъ: мы разумѣемъ записки Болотова. Какъ автобіографія Болотова является цѣлою эпопею быта русскаго дворянина XVIII вѣка, во всевозможныхъ сферахъ его дѣятельности, такъ „Жизнь“ Добрынина выдвигаетъ на страницы нашего изданія длинный рядъ мастерски абросанныхъ картинъ быта русскаго духовнаго лица того же вѣка, почти тѣхъ же годовъ (1750—1781) и также на всѣхъ ступеняхъ его положенія, начиная съ причетника сельской церкви и кончая архіерейскою кафедрою....

Рукопись записокъ Добрынина найдена, если не ошибаемся, въ одномъ изъ погостовъ Могилевской губерніи, даровитымъ малороссійскимъ писателемъ, Алексѣемъ Петровичемъ Стороженко и подарена имъ Лукѣ Николаевичу Антропову, отъ котораго „Русская Старина“ приобрѣла эти записки для печати.

Отрывокъ изъ нихъ былъ помѣщенъ въ „Виленскомъ Сборникѣ“, изданномъ г. Кулинымъ въ 1869 г.; отрывокъ этотъ не великъ и взятъ изъ начала второй, а также изъ третьей части, именно изъ разсказа автора о его служебной дѣятельности, въ качествѣ чиновника, въ Могилевскомъ намѣстничествѣ. Мы, съ своей стороны, даемъ мѣсто на страницахъ „Русской Старины“ только тѣмъ главамъ изъ записокъ Добрынина, которыя не были еще въ печати: при этомъ мы помѣстимъ ихъ не въ цѣломъ рядѣ книгъ „Русской Старины“, а съ нѣкоторыми промежутками времени: такой порядокъ изданія этихъ записокъ представляется тѣмъ болѣе возможнымъ, что собственно біографія Добрынина (человѣка, впрочемъ, подобно Болотову, замѣчательно честнаго и во многихъ отношеніяхъ симпатичнаго)—не можетъ представлять большого историческаго интереса, такъ какъ

авторъ „Истиннаго повѣствованія“ не игралъ особенно важной роли ни въ общественной, ни тѣмъ болѣе въ государственной жизни русскаго общества прошлаго вѣка: „повѣствованіе“ его имѣетъ значеніе главнымъ образомъ въ отношеніи бытоописательномъ *). Съ этой стороны, какъ мы уже замѣтили, особенно важна и интересна первая часть, и она, составляя совершенно законченную картину быта русскаго духовенства въ XVIII вѣкѣ, явится вполне на страницахъ „Русской Старины“.

Ред.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Нѣтъ, думаю, ни одного человѣка изъ могущихъ мыслить, которому бы не приходила когда-нибудь мысль: вѣтъ я? гдѣ я? откуда я пришелъ? что вижу я? и куда пойду? и подобныя сему задачи. Но всѣ мыслящіе такъ, и желающіе постигнуть и разрѣшить сію сокрытую отъ смертныхъ тайну остаются по прежнему въ глубокомъ о ней невѣдѣніи.

Послѣ сего, осталось ли мнѣ мѣсто писать на тотъ конецъ, чтобы другіе читали? Намѣреніе мое состоитъ въ томъ, чтобы писать сущую правду для собственнаго въ настоящее и будущее время приведенія на память прошедшихъ моихъ лѣтъ и приключеній; писать такъ, какъ пишутся дневныя записки. Слѣдовательно писать небылицы или выдумки было бы тожъ самое, что обманывать самого себя. Во избѣжаніе сего и тонъ моей повѣсти и порядокъ въ ней всего безпорядка основаль я на пословицѣ покойника моего дѣда: «мѣшай дѣло съ бездѣльемъ — лучше, съ ума не сойдешь».

Сродное однакожъ челоуѣку любочестіе заставило меня примкнуть сію пословицу, дабы блеснуть, что я мудраго дѣда внукъ.....

*) Авторъ, впрочемъ, даетъ довольно много мѣста біографическимъ очеркамъ нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей прошлаго вѣка: необыкновенно типично обрисованы имъ Сѣвскіе архіереи Тихонъ Якубовскій и Кирилль Флоринскій, епископъ Анатолій Малесъ, извѣстный ученый архимандритъ Карпинскій, Киевскій митрополитъ Гаврилъ Кременецкій, Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, нѣкогда знаменитый участникъ въ юнкскомъ переворотѣ 1762 г., Палей, ученикъ Вольтера — Полянскій и многіе другіе, не столь высоко стоявшіе, тѣмъ не менѣе по характерамъ, складу своего развитія или по своей жизни — интересныя лица. Вообще авторы историческихъ повѣстей и романовъ въ эпоху XVIII вѣка — найдутъ въ «Истинномъ повѣствованіи» Добрынина весьма богатый матеріалъ при составленіи своихъ произведеній. Ред.

§ I.

Время отъ рожденія моего до смерти отца моего, заключающее въ себя пять лѣтъ.

Въ безднѣ безначальнаго и безконечнаго времени, предъ разсвѣтомъ, уже былъ 20-й день марта 1752 г., по старому гревороссійскому счисленію, когда природа, по непремѣнному своему закону, употреба орудіемъ мою невинность, слабѣйшіе и едва существующіе члены и невѣдѣніе, терзала утробу моей матери, и наградила ее такимъ во мнѣ подаркомъ, котораго цѣна извѣстна, говорятъ, однимъ только матерямъ. Это значитъ: я родился. Всѣ мои предки, коихъ глубокое начало покрыто неизвѣстностію, — можетъ быть потому, что они не охотники были писать собственныхъ исторій, посвящаемы были на службу алтарю Господню. Въ семъ священномъ званіи нашель я въ мірѣ двухъ моихъ дѣдовъ и отца, изъ коихъ дѣдъ мой по отцу жительствоваель отъ Москвы, въ разстояніи пяти-сотъ верстъ, Сѣвскаго уѣзда *) въ селѣ Радогожѣ**), гдѣ я и родился, а дѣдъ по матери (жилъ) того-жъ уѣзда въ селѣ Неварѣ.

Въ 1756 году, радогожской мой дѣдъ уѣхаль въ Москву для докончанія тяжёбнаго дѣла съ соперниками своими, а въ 1757 г. апрѣля 12 умеръ отецъ мой. Мать моя столько о немъ сокрушалась, сколько недоброхоты нашего семейства радовались, потому что зло во всѣ состоянія вмѣшивается. А дѣдъ, извѣстясь въ Москвѣ о потерѣ сына, впаль въ горячку, и едва за нимъ не послѣдовалъ, и хотя отецъ мой былъ въ такомъ состояніи, что не могъ бы дать сыну своему лучшаго счастья, нежели имѣлъ самъ, однакожъ то неоспоримо, что я остался сиротою, а мать моя вдовою, да сверхъ того, получилъ я въ наслѣдство шестой годъ отъ рожденія и чувствительное сердце

*) Городъ Сѣвскъ нынѣ Орловской губ.

Ред.

**) По исторіи російской, писанной княземъ Щербатовымъ, Радогожъ былъ городъ, и въ разныя времена потерпѣлъ отъ набѣговъ татаръ многія разоренія. При одномъ изъ набѣговъ, какъ говоритъ царственная книга царя Ивана Васильевича и князь Щербатовъ, былъ въ немъ воевода Ѡйновъ (?). А въ монгѣтскія лѣта, были тамъ, да несомнѣваюсь и нынѣ еще суть, остатки земляной маленькой крѣпости, близъ бывшаго тамъ, при рѣкѣ Нерусѣ, Спасскаго монастыря; но Радогожъ принадлежалъ уже графу Петру Григорьевичу Чернышову по жемѣ, которая была изъ роду Ушаковыхъ, а отъ Чернышова достался, по наслѣдству, одному изъ князей Голицыныхъ.

Г. Д.

не по мѣрѣ лѣтъ. Я и теперь *) еще не забылъ, какъ въ одну пору въ печальномъ размышленіи уединился въ сарай, и началъ на свободѣ плакать подобно Исмаилу, о которомъ, правду сказать, я еще и не слыхивалъ. Мать, не видя сына дольше обыкновеннаго, по многимъ поискамъ нашедъ меня въ семь положеніи, спросила о причинѣ плача; я отвѣтствовалъ: «мнѣ скучно, что отецъ мой умеръ!» Она, схвативъ меня на руки, отвѣчала мнѣ на это горькими слезами. Потомъ стала меня утѣшать обѣщаніемъ, что мы поѣдемъ къ дѣду неварскому, — т.-е. къ отцу ея, что и въ самомъ дѣлѣ исполнила, къ чему не меньше принуждена была и притѣсненіями отъ недоброхотовъ радогожскаго моего дѣда, а ея свекра.

§ II.

Переселеніе къ дѣду.

По прибытіи къ дѣду неварскому, жили мы у него съ матерью почти съ годъ, слѣдовательно исполнилось мнѣ шесть лѣтъ, а на седьмомъ, велѣлъ мнѣ дѣдъ положить три поклона въ землю предъ иконою, и началъ мнѣ вступленіе въ науку азбуку, по которой доучилъ меня до «буки-аз-ба». Говорятъ, что «доброе начало—половина дѣла», и на сей-то половинѣ кончилъ мой дѣдъ свой надо мной трудъ. Между тѣмъ, радогожской дѣдъ прибылъ изъ Москвы въ Сѣвской Спасской монастырь, для докончанія въ ономъ, по указу московской духовной консисторіи, тяжёбнаго его съ своими непріятелями дѣла. Писеть оттуда письмо за письмомъ о присылкѣ къ нему внука его, въ Сѣвскъ, но неварскій не находитъ надобности отяготить себя нарочною подводкою; такимъ образомъ, жребій мой между двухъ дѣдовъ колебался не малое время, наконецъ, послѣ свѣтлаго праздника десятая пятница рѣшила быть мнѣ у радогожскаго дѣда, ибо въ день оныя бываетъ въ Сѣвскѣ ярмарка, на которую неварскій дѣдъ послалъ племянника своего Степана для покупки сухой донской рыбы, называемой тарань, которая потребна ему была для постныхъ дней на повось. При сей оказіи и я отправился, благодаря дѣда, десятую пятницу и сухую рыбу тарань.

*) Я сіе пишу 1787 г. апрѣля 19; слѣдовательно мнѣ теперь тридцать пять лѣтъ отъ роду.

§ III.

Переселеніе отъ одного дѣда къ другому.

Радогожскій дѣдъ, увидя меня, схватилъ на руки съ несказаннымъ восхищеніемъ, и прижимая къ груди поминутно, называлъ меня оставленнаго ему отъ Бога на утѣшеніе отраслью и другими именами, какія влагала ему въ уста сердечная горячность. Все сіе меня оживляло, а теченіе цѣлой жизни дало мнѣ ожить и безпримѣрно-нѣжную во мнѣ любовь моего дѣда, и (убѣдиться) что чувствительность во мнѣ открылась очень рано, и даже всегда предшествовала моему разсудку, сколько я ни работалъ, чтобъ она уступала ему первенство. Истина стиха славнаго Лафонтена владѣетъ мною и теперъ во всей силѣ:

«Мы вѣчно тѣмъ, чѣмъ намъ быть въ свѣтѣ суждено:
Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно».

Отскочивши отъ матеріи, возвращаюсь къ ней. Дѣдъ далъ мнѣ, доставши отъ монастырскихъ малярей, нѣсколько деревянныхъ, выточенныхъ, позолоченныхъ и посребренныхъ яиць. Они мнѣ въ ту пору пріятнѣе были вылитыхъ изъ золота и серебра. Онъ обнадеживалъ меня довести до той премудрости, что буду я умѣть читать и писать. Время доказало, что онъ не солгалъ. Достигши подъ юной возрастъ, могъ я видѣть, что онъ былъ по натурѣ боекъ, памятливъ, понятень, горячъ, предприимчивъ, неустрашимъ въ злоключеніяхъ и терпѣливъ въ горестяхъ, которыхъ ему въ его жизни не доставало. Долговременные по присутственнымъ мѣстамъ искы правосудія противъ злодѣйскихъ и разбойническихъ на него нападеній, послужили ему къ знанію въ судовѣдніи *), и еслибъ къ природнымъ его способностямъ доставало ему воспитанія, которымъ тогда въ Россіи и богачи не всѣ могли пользоваться, то былъ бы онъ человѣкъ

*) Радогожъ, принадлежавшій съ деревнями графу Петру Григорьевичу Чернышову, управляемъ былъ смоленскимъ шляхтичемъ Іосифомъ Краевскимъ. Сей Краевскій, не помню, по младенчеству, за что злобствуя на моего дѣда, захватилъ его насильно, затащилъ въ конюшню и мучилъ тамъ на смерть. Я, по возрастѣ моему, видѣлъ заросшіе знаки тиранства на тѣлѣ моего дѣда. Смерть жены священника, по тогдашнимъ духовнымъ правиламъ, обязывала вдовца итти въ монастырь, дабы тѣмъ сохранить святость сана отъ грѣхонападенія. Сямъ противосильственнымъ правомъ, и вмѣстѣ съ сямъ дѣда моего несчастіемъ пользуюсь, его злодѣи потащили его по монастырямъ. Первая вышесказанная тяжкая обида, и другія почти ей подобныя, сдѣлали ему тяжбу на

со способностями въ дѣламъ государственнымъ. А посему не удивительно, что многіе люди бываютъ не тѣмъ, чѣмъ бы они быть могли, еслибы имъ доставало способствъ къ воспитанію и содержанію себя. Я не оспариваю мнѣнія многіхъ, «что бѣдность есть мать наукъ и другихъ полезныхъ изобрѣтеній»; но сколько сія мать породила невѣжества и зла, сколько погасила дарованій и добродѣтелей въ самомъ ихъ зародышѣ, на это еще никто не сдѣлалъ выкладки. Равно какъ неоспоримо и то, что достатокъ не меньше можетъ колебать всеобщее и частное спокойствіе смертныхъ въ враткѣ ихъ жизни, когда къ нему недостаетъ воспитанія, или, при воспитаніи, нравственности. Склонность и нужда познакомили его отчасти съ руководѣліями: токарнымъ, столярнымъ, портнымъ и книго-переплетнымъ. Онъ ни въ одномъ не былъ совершенъ, потому что нѣкоторому не учился, но все зналъ и занимался для пользы собственной и для услуги другимъ. Между тѣмъ, пока отроцескія мои при немъ лѣта протекали, время отдохновенія, — сидя въ лѣтній особливо вечеръ подъ деревомъ подлѣ ~~жили~~ — сопровождалъ онъ любимою своею пѣснью, которой я по нынѣ не забылъ, потому что и самъ ^{еще} эту, по побужденію его, иногда подтативалъ. Она слѣдуетъ подъ симъ:

Ахъ! какъ трудно человѣку
Жить безъ счастья въ младомъ вѣку,
Печаль тяжело сокрушаетъ,
Сердце въ скорбѣхъ всегда таетъ.
Ахъ, младяя моя лѣта!
Что дражайши всяка цвѣта!
Въ несчастіи улыбають,
Дряхлу старость ожидаютъ;
Когда-жъ пройдетъ цвѣтъ младости,
Не чаешь быть ужъ въ радости.

половину жизни, а потеря жены и дѣтей увеличили горести! Сіе послѣднее вознаградится хоть на томъ свѣтѣ, поелику здѣсь несчастный заплатилъ наличною монетою; но то останется въ безконечномъ удивленіи, что во всѣ времена трудно или невозможно обиженному найти удовлетвореніе соразмѣрное его обидѣ. Кто первый сказалъ, что «богатство всегда будетъ имѣть предъ собою перевѣсъ», тотъ не хотѣлъ никого обманывать. Въ дни безсмертнаго Екатерины II, ея дѣянія и ея законы: «не бить дворянина, священнослужителя, гражданина, не бить, безъ суда, мѣщанина и простолюдина», ежели не истребили, по крайней мѣрѣ поколебали, ослабили и уменьшили насиліе и варварство сильныхъ и богатыхъ.

Г. Д.

Съ весны зима неприятна,
 Ахъ! жизньъ наша такъ превратна!
 Въ старомъ вѣкѣ нѣтъ покою,
 Только болѣзни съ бѣдою;
 Тогда счастье хоть бы было,
 Ужъ въ старости не такъ мило!
 Счастье, гдѣ ты пребываешь?
 Или съ звѣрьми обитаешь?°
 Престань счастье съ звѣрьми житьи
 Прийди бѣдну послужити.

Сихъ старинныхъ стиховъ смыслъ отерываетъ то, что у него было на сердцѣ. Онъ, по чувствамъ своимъ, выбралъ или случайно попалъ на такую пѣсню, которая сходствовала съ его жребіемъ въ жизни. Но не прерывая болѣ собственной исторіи, скажу, что я, подъ опекою моего дѣда живя въ семъ подгородномъ монастырѣ почти три года, выучился не только читать, но и писцомъ уже у монаховъ прослылъ. Архимандритъ, будучи доволенъ чтеніемъ и пѣніемъ моимъ въ церкви, подарилъ мнѣ съ себя полукафтанье зеленой китайки, стеганое на бумагѣ, которое хотя мнѣ и перешли, однакожъ я много въ немъ похожъ былъ на самого архимандрита.

Сей архимандритъ именовался: Иннокентій Григоровичъ. Онъ сдѣланъ архимандритомъ изъ казначеевъ Троицкой Сергіевской лавры въ Сѣвскѣ, а изъ сего вскорѣ переведенъ въ Серпуховской Высокой монастырь, а пока еще другой на мѣсто его не прибылъ, управлялъ монастыремъ казначей, отецъ Савва Третьяковскій.

Во время сего междовластія, начала братія, по силѣ допускаемыхъ въ монастыряхъ обыкновеній, стомаха ради *) (испивати). Въ такихъ упражненіяхъ, случилось въ одинъ вечеръ старому монаху Иліодору поссориться съ моимъ дѣдомъ. Послѣ сего дѣдъ, по видимому не думая много о пустой ссорѣ—легъ спать, а меня положилъ подлѣ себя. Но чернецъ не былъ столько забывчивъ. Онъ, когда погасили свѣчу и всѣ позаснули, взялъ изъ дровъ полѣно, и пришелъ на соннаго моего дѣда, съ намѣреніемъ въ

*) Въ монастыряхъ употребляемое слово: «выпить стомаха ради». Стомахъ есть слово греческое, значить желудокъ, а монахи, уповательно, взяли сей полезный для себя текстъ — изъ святаго Павла, который въ посланіи своемъ говоритъ Тимоею: «не пей воды, но мало вина приеми, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ» (Тим. 5, 23). Г. Д.

потемкахъ его поколотить; но вмѣсто дѣда потрафилъ съ перваго удара по внуку. Я вскричалъ безъ памяти; а дѣдъ, не понимая причины моего вопля, насилу добился отъ меня, что я ударенъ. Тогда дѣдъ мой, не сомнѣваясь, что сей невидимый ударъ есть дѣйствіе челоувѣолюбія непамятовлюбнаго чернца, пошелъ тотчасъ въ казначею. Разбудя его, объявилъ причину своего прихода, и просилъ, чтобъ сіе дѣло разсмотрѣно было сей же часъ на мѣстѣ преступленія. Вслѣдствіе чего, казначей учреждаетъ комисію изъ собственной персоны, и беретъ въ себѣ въ ассесоры монастырскаго ^{Епископа} Вареоламея. Приходятъ они въ нашу келью со свѣтильниками. Допрашиваютъ чернца, чернецъ чинитъ заpirationъ. Дѣдъ настоятъ, чтобъ черноризца допрашивать подъ пристрастіемъ*), яко по дѣлу уголовному, или онъ «то сдѣлаетъ, что завтрашній день и судимый и судьи забраны будутъ въ Сѣвскую провинціальную канцелярію». Судьи, симъ выговореннымъ изво всея мочи словомъ, приведены были въ страхъ и замѣшательство, тѣмъ болѣе, что включилъ (былъ) безграмотной, а казначей снаравливалъ моему дѣду за сочиненіе приходныхъ и расходныхъ книгъ. Они отдають чернца дѣду головою; чернецъ, сколько ни былъ простъ, повялъ, что нѣтъ ничего хуже какъ быть судиму обиженнымъ судьей, признается въ своемъ злодѣяніи и падаетъ дѣду въ ноги. Дѣдъ настоятъ, чтобъ виноватый былъ наказанъ по крайней мѣрѣ, ежели не больше, трапезными чотками, съ медленнымъ прочтеніемъ трехъ разъ покаяннаго Давыдова пятидесятаго псалма, по силѣ монастырскаго устава. Чернецъ проситъ пощады, и во избѣжаніе большаго зла, проситъ наложить на себя цѣпь. Дѣдъ, по многимъ преніямъ, остановился на одномъ, чтобъ по наложеніи на монаха цѣпи, посадить его въ пустую башню на цѣлую седмицу подъ запрещеніемъ вкушенія вина и елса, что тогда же и учинено. Такимъ образомъ кончилось дѣйствіе, послѣ котораго монахъ Иліодоръ, хотя уже никогда никого не искалъ по ночамъ бить, однакожъ часто мнѣ снился съ полѣномъ въ рукахъ.

*) Слово: «пристрастіе», происходящее отъ слова: «страхъ» значило въ тѣ времена на правовомъ, или юридическомъ языкѣ, «правду открытъ посредствомъ истязанія тѣлеснаго». А нынѣ на диалектѣ новѣйшихъ временъ «пристрастіе» значить: «правду затмить посредствомъ монополіи, или интесовъ».

Вскорѣ потомъ прибылъ изъ Москвы въ монастырь полный начальникъ, архимандритъ Пахомій, мужъ старый до драхости, въ подаярѣ. Не успѣлъ еще онъ осмотрѣться, какъ ужъ братія и вознегодовала на него за нарушеніе прежнихъ монастырскихъ обыкновений:

1) что онъ въ праздничные и торжественные дни не просить братію къ себѣ на водку; 2) что уничтожилъ печеніе по субботамъ блиновъ, а по воскресеньямъ—пироговъ. Въ сіе общество вмѣшался монастырскій, по тогдашнему называемый, «служба» Семень Малышевъ, которому было не болѣе 26-ти лѣтъ отъ роду, и который не меньше моего дѣда почитался искусникомъ въ приказныхъ дѣлахъ. Сіе искусство почерпнулъ онъ будучи въ бѣгахъ, и проживая въ городѣ Кинешимѣ въ качествѣ слуги, у тамошняго воеводы Борноволова, котораго доносомъ своимъ, состоявшимся не знаю въ какихъ важностяхъ, заставилъ отвѣчать въ тогдашней тайной канцеляріи.

Сей опытный человекъ кричалъ и увѣрялъ монаховъ, что архимандритъ богопротивникъ, и что за это надобно на него закричать по первому и второму пункту.

Я, слушая сего скопца заговора, въ которыхъ сильно охотился понять, что значать слова: «по 1-му и 2-му пункту», и догадывался, что 1-й пунктъ значить, запрещеніе печь блины, а 2-й—пирогы, и винилъ въ моихъ мысляхъ безъ пощады архимандрита за такое преступленіе. Сей скопъ и заговоръ не кончился словами. Служка Малышевъ вбѣжалъ въ Сѣвскую провинціальную канцелярію, закричалъ тамъ употребительное тогда «слово и дѣло» *); почему провинціальная канцелярія, во исполненіе тогдашнихъ законовъ, наложила на премаститую архимандричью старость оковы, отослала съ доносителемъ и свидѣтелями, кои всѣ были монахи, за вѣрскимъ карауломъ, въ тайную канцелярію, гдѣ открылся доносъ, что архимандритъ, во время всеобщаго на торжественный день моленія, приказалъ стихиры читать,

*) «Слово и дѣло» значило донести на кого по 1-му пункту, то-есть, что тотъ виновенъ въ дерзновеніи противъ Бога и церкви. По 2-му пункту,— въ оскорбленіи или въ знаніи намѣреній противъ государя и государства и проч.... Для производствъ таковыхъ дѣлъ учреждено было въ Москвѣ особое присутственное мѣсто, называемое «тайная канцелярія», подобная во всемъ «инквизиціи», существующей еще и нынѣ въ нѣкоторыхъ католическихъ государствахъ. Г. Д.

а не нѣтъ. Вслѣдствіе сего, хотя ревностный защитникъ 1-го и 2-го пункта названъ тѣлесно и отданъ въ солдаты, однакожь старый архимандритъ, вѣроятно, во всѣ остальные свои дни, не отговариваясь кодагрою, всеобщая отправлялъ на распускѣ.

Окончившаяся такимъ образомъ экспедиція не оставила безъ подозрѣнія и дѣда моего, хотя онъ и не былъ ни доносителемъ, ни свидѣтелемъ, почему оправданный архимандритъ испросилъ отъ московскаго митрополита Тимофея повелѣніе, о переведеніи его съ тяжбынымъ дѣломъ въ Николаевскій Столбовскій монастырь, отстоящій отъ Сѣвска на 50 верстъ, куда и я послѣдовалъ за дѣдомъ, 1762 года, на страстной недѣлѣ.

§ IV.

Пребываніе мое въ Столбовскомъ монастырѣ.

По прибытіи моемъ въ Столбовскій монастырь, отстоящій отъ Радогожа верстъ на 7, тамонній архимандритъ Варлаамъ Маевскій, снисходя на просьбу моего дѣда, уволилъ его на житье въ подсудственную сему монастырю Радогожскую пустынь*), отстоящую отъ дому дѣда моего, слѣдственно и отъ дому моего рожденія, на одну версту, а меня оставилъ у себя яко почетную особу въ достоинствѣ аманата, въ самомъ же дѣлѣ для того, что мой дышкантъ ему понравился. Къ тому же, удаленіе моего дѣда надежнымъ было для архимандрита средствомъ, что онъ не будетъ отвѣчать по 1-му и 2-му пункту. По порядку теченія времени, долженъ я себѣ припомнить, что мать моя, жившая по нынѣ у своего отца, а моего дѣда, избрала для себя сего 1762-го года, августа 31 д., блаженное жилище въ Сѣвскомъ женскомъ монастырѣ, съ намѣреніемъ пріятія монашества. Приоживши о семъ, возвращаюсь къ Столбовскому монастырю.

У столбовскаго архимандрита единолѣтнее мое пребываніе ничего въ себѣ важнаго и достойнаго свѣдѣнія всему міру не заключаетъ, кромѣ что иногда меня монахи запрашивали въ свои кельи и внушали желаніе, чтобы я отъ юныхъ лѣтъ старался возлюбить добродѣтель и удостоиться полученія ангель-

*) Такъ назывались въ Россіи малые монастыри, а особливо гдѣ нѣтъ архимандрита или игумена, а начальствуютъ въ нихъ іеромонахи, титулуемые: «строительми».

скаго чина — такъ они свой называли, — между тѣмъ, одинъ нечаянный случай привелъ въ нихъ обо мнѣ худое мнѣніе. Во время вечерняго въ церкви моленія, въ небытность въ оной архимандрита, — поелику онъ начальникъ, — одинъ изъ черноризцевъ, отецъ Арсеній, соскочилъ съ лѣваго клироса, поднявъ свою мантию, схватилъ ее въ одинъ узелъ, прижалъ въ самой груди, и началъ по церкви прыгать, какъ обезьяна. Онъ былъ пьянъ. Но мнѣ сіе показалось очень забавно. Я чувствовалъ, что онъ тѣмъ искрасилъ всю нашу вечерню, и мнѣ казалось, что если я сіе дѣйствіе перескажу архимандриту, то онъ заставить отца Арсенія еще такъ же попрыгать для забавы; но совсѣмъ противное вышло моему ожиданію. Онъ послалъ о. Арсенія на недѣлю въ хлѣбню — монастырская поварня — дрова рубить, воду носить, муку сѣять, и проч. За сіе всѣ черноризцы меня возненавидѣли, какъ будто всѣ они въ заговорѣ были прыгать по церкви, а архимандритъ полюбилъ (меня) больше прежняго, и, неоднократно заставляя меня представлять дѣйствіе прыгающаго чернца, смѣялся со всѣхъ силъ и прихлопывалъ въ ладони.

До окончанія еще года, архимандритъ переведенъ на ваканцію въ Калугу; а Столбовскій монастырь велѣно приуготовить къ обращенію въ приходскую церковь, съ прочими, уничтожаемыми тогда по всей Великой Россіи, — вромѣ Малой Россіи, — монастырями, а я

§ V.

изъ Столбовскаго монастыря очутился въ Радогожской пустынѣ.

Отправился къ моему дѣду, въ Радогожскую пустынь, гдѣ прожилъ года три слипкомъ, посвящая все время на должность въ церкви чтеца и пѣвца, и, пользуясь праздностью, перебѣгалъ изъ монастыря въ Радогожъ домой, а изъ дому обратно въ монастырь. Иногда же отѣзжалъ въ столбовское духовное правленіе для помочи тамошнему канцеляристу писать духовныя вѣдомости о бывшихъ и небывшихъ у исповѣди, отправляемая ежегодно въ Московскую консисторію, и притомъ, учился у находящагося въ Радогожской пустынѣ монаха Онуфрія пѣть «по нотѣ». Понятно, что наука сія не дѣлаетъ ни дѣльцомъ штатскимъ, ни служивымъ въ полѣ, ни ученымъ, ни ремесленникомъ, и не заключаетъ въ себѣ нравственности; но я послѣ видалъ многихъ, учившихся въ классахъ, пансіонахъ и проч. —

видѣлъ даже самыхъ учителей и чувствовалъ побужденіе въ по-
добрѣнію, что они писали духовныя вѣдомости и учились у мо-
наха Онуфрія нѣтъ по ногѣ.

Въ теченіе сего времени, учреждена въ Сѣвскѣ епархія, по-
чему и прежнее мое обиталище, Сѣвскій Спасскій монастырь,
преобразованъ въ домъ архіерейскій, а Радогужская пустынь съ
другими многими монастырями, давно уже назначенными въ унич-
тоженію, уничтожена. Куда же мнѣ дѣваться?

Въ 1765-мъ году повезъ меня дѣдъ въ Сѣвскъ, съ намѣре-
ніемъ пристроить меня тамъ въ консисторію, но консисторій
секретарь Звѣревъ отвѣчалъ, что консисторія уже уюмплевтована.
Надобно ввовъ искать предмета должностнаго или училищнаго.

Народныхъ училищъ тогда не было въ Россіи; изъ семинарій
самая ближняя въ пятистахъ верстахъ, то-есть въ Москвѣ. Да
и онѣя тѣмъ только хороши, что лучше ихъ не было. А уни-
верситеты и гимназій не для насъ, да правду сказать, мы съ
дѣдомъ ни о чемъ этакомъ, чего нѣтъ, и помышлять не могли.
А пишу о семъ въ настоящемъ времени для того только, чтобъ
дать мѣсто разсужденію, каковы у насъ были времена для на-
ставленія и просвѣщенія юношества, и припомнить самому для
себя, что непостижимая смертному судьба печется о немъ, какъ
мать о младенцѣ, непонимающемъ того, что его берегутъ. Но пока
сія мать воздѣйствуетъ съ большею матернею силою, ходилъ я
каждодневно, по желанію моего дѣда, въ домовую вотчинную
графа Петра Григ. Чернышова контору, для усовершенствованія
себя въ писаніи. Конторы сей образованіе было въ надлежа-
щемъ порядкѣ, а именно: вотчинный управитель, капитанъ
Як. Иван. Макушинъ, прикащикъ и бурмистръ, были присут-
ствующие члены; земскій писарь — въ качествѣ секретаря. Про-
чіе рядовые приказные были какъ и всѣ, кромѣ управителя — изъ
собственныхъ его домовыхъ людей.

Контора состояла изъ двухъ чистыхъ горницъ и раздѣлялась
на столы или на повѣтѣи. Судейскій столъ въ первомъ мѣстѣ
горницы, за перилами, покрытъ краснымъ сукномъ. На немъ
уложеніе царя Алейсѣя Михайловича, также повелѣнія и формы
графскія, о управленіи вотчиною. Стѣны конторы уставлены изо-
браженіями царской фамиліи въ эстампахъ, и (тутъ же) генеральная
всей вотчины ландварта. Напротивъ конторы, чрезъ большія

стѣни кладовая для хранения государственныхъ денежныхъ оборотѣвъ, и караульная съ кооплатомъ сторожей и рассыльщикова, и въ особомъ отдѣленіи архивъ. По возрастѣ моему, увѣрился я изъ опыта, что порядокъ во всякой частѣ, между большими боярами, исключительно принадлежалъ роду графовъ Чернышковыхъ и графа Шереметева. Итакъ, продолжая усовершенствование своихъ талантовъ въ сей академіи, не знающей правописанія, побѣхалъ я, въ 1766-мъ году мая 8-го, съ дѣдомъ моимъ, въ уничтоженный уже, однакожь не совсемъ еще разоренный Столбовской монастырь къ Николаеву дню на ярмарку. — Зная тамошнія во время сего праздника обыкновенія, не пропустилъ я для себя полезнаго случая. Схватилъ въ канцеляріи духовнаго правленія чернильницу и бумагу, и побѣжалъ въ церковь и сталъ къ огню. Горячіе богомольцы, кои набыта была церковь, и кои нанимая священномонаховъ; остававшихся еще тамъ до нѣкотораго времени, отправляли непрерывныя молебны, начали во мнѣ подходить, прося о написаніи именъ ихъ на карточкахъ въ подачѣ священнослужителю, приносящему за нихъ молитвы. Я принялся охотно содѣйствовать горячему усердію однихъ и другихъ, за добровольную плату. И какъ проходя сію должность нѣсколько часовъ, почувствовалъ въ карманѣ плодъ моего труда, состоящій въ нѣсколькихъ гривнахъ, то усугубилъ мою ревность къ услугамъ богомольцевъ и возвысилъ цѣну, что, однакожь, горячихъ богомольческихъ сердецъ не могло отратить отъ исполненія ихъ добрыхъ намѣреній, хотя иные и сморщившись мнѣ платили; а я, не разсуждая о грѣхѣ, хотя и въ монастыряхъ живалъ, бралъ спокойно деньги до тѣхъ поръ, какъ уже увидѣлъ, что время пробѣжало въ вечеру на куртагъ, въ вартѣ заложеной безчисленными минутами, въ превращеніи несчастнаго числа жребіевъ человѣческихъ, кои всѣ межъ собою столькожь различествовали, какъ и человѣки, — кромѣ самаго времени, которое сидѣло столь важно и постоянно, что перемѣнная непрерывно и безпрерывно все, само казалось презирало перемѣну. Сіе явленіе обольстило меня, какъ смертнаго; почему бросился я вслѣдъ за нимъ въ вечеру; но оно, повернувшись тамъ на скользкой и неизблемой своей ногѣ, мгновенно поскакало въ бездну самого себя, оставя мнѣ одну мечту, да тѣ 60 копѣекъ, которыя собралъ я съ богомольцевъ, и которыя за вычетомъ на

фунтъ чернослови, отдалъ всё безъ исключенія любовному моему радоговскому дѣду.

§ VI.

Дѣяніе судьбы.

По возвращеніи нашемъ изъ Столбова домой, объявилъ дѣду моему управляющій вотчиною графа Петра Григорьевича Чернишева, коллежскій секретарь Яковъ, повелѣніе Сѣвскаго архіерея Тихона Якубовскаго, полученное имъ въ бытность его у сего пресвященнаго на поклонѣ, чтобы дѣдъ представилъ мнѣ къ нему, поелику онъ отъ многихъ уже обо мнѣ извѣщаетъ, въ томъ числѣ и отъ управителя, и что я, по общему гласу и мнѣнію, долженъ принадлежать къ штату архіерейскому.

Такая вѣсть тѣшила мое честолюбіе, ибо, въ чувствительныхъ честолюбіе отерывается очень рано. — Я мечталъ, не знаю почему, что мнѣ надлежитъ быть при архіерей не послѣднимъ лицомъ; къ сему увеличивала еще мою мечту и знакомость прежняго моего жилища.

Но дивиться надобно силѣ привычки! Я желалъ быть при домѣ архіерейскомъ, предузнавалъ, или предчувствовалъ будущую пользу, и не хотѣлъ расстаться съ настоящею жизнію, съ которою расставаясь, грустилъ и плакалъ сильно, воображая, что долженъ быть подъ правилами, или наукою, которыя мнѣ еще неизвѣстны, и которыя стѣсняють природу. Мудреноли, что простыя дѣвки, а иногда и благородныя, плачущи идутъ замужъ!

Дѣдъ мой, внимая пастырскому гласу, дошедшему къ нему хотя и не по командѣ, повезъ меня въ Сѣвскъ, гдѣ, лишь только вошли мы въ ограду прежняго моего обиталища, встрѣтился намъ самъ архіерей съ немалою ассистенціею. Я хотя и не видывалъ до тѣхъ поръ архіереевъ, однако не сомнѣвался, что съ такою пышностію нельзя быть лицу простаго монаха. Но дѣдъ мой, будучи въ сомнѣніи, подошелъ спрашивалъ самого архіерея: въ какую можно пору удостоиться намъ видѣть своего архипастыря? — Архіерей, примѣти замѣпательство, улыбнулся и отвѣчалъ, чтобы дѣдъ мой завтра въ 9-мъ часу поутру пришелъ къ архіерею въ переднюю и велѣлъ о себѣ доложить.

Тотъ старшій монахъ Иліодоръ, который ударилъ меня ночью соннаго полѣномъ, былъ тогда уже іеромонахомъ и архіерей-

скимъ духовникомъ, и видѣлъ изъ окна своей кельи нашу незнакомую съ архіереемъ аудіенцію; послѣ которой запросилъ онъ насъ къ себѣ, весьма смиренно принялъ, увѣдомилъ насъ, что мы видѣли архіерея, и обѣщалъ свою помощь, если бы она въ какомъ случаѣ понадобилась.

На завтрашній день, по зашатѣ келейному десяти копѣекъ, допущены мы были къ его преосвященству. Онъ сидѣлъ на вышолоченныхъ деревянныхъ креслахъ, въ гарнитуровой темновиннаго цвѣта рясѣ, и въ штофномъ зеленого цвѣта подрясникѣ. Панагія на немъ висѣла не очень блестящая, кругленькой фигуры, величиною съ мѣдный пятакъ.

Сему православія столпу мы благоговѣнно поклонились въ ноги, а онъ тихимъ голосомъ сказалъ: «А! это тотъ мальчикъ, о которомъ говорили мнѣ многіе; для чего ты давно его во мнѣ не привезъ? я его назначилъ въ пѣвчіе». Имя пѣвчаго поразило меня, какъ громомъ; мракъ покрылъ чело мое, какъ грозная туча, и слезы повалились дождемъ. Архіерей, примѣтивъ во мнѣ сырую погоду съ мятелицею, подозвалъ меня къ себѣ поближе, спросилъ о причинѣ плача; мой отвѣтъ былъ, что «я ноты не учился» — смалчивая шутовато о монахѣ Онуфріѣ — «почему и пѣвчимъ быть не могу», «а мнѣ бы хотѣлось быть, продолжалъ я чистосердечно, въ консисторіи при перѣ». Тогда архіерей приказалъ мнѣ на столікѣ, стоявшемъ дѣо правую его руку, написать на чистой бумагѣ, дивтуя мнѣ самъ: «Премудрости наставникъ, и смысла податель, Слово отчее, Христосъ Богъ».

— «Ты пишешь не худо», сказалъ мнѣ преосвященный: «Надобно теперъ поучиться тому, чего мнѣ не знаемъ. У меня и секретарь знаетъ ноту, и самъ я по нотѣ пѣть умѣю; ты, обучившись партесу нотѣ — можешь со временемъ также быть», примолвилъ онъ съ улыбкою, «консistorскимъ у меня секретаремъ». Потомъ, приказано мнѣ съ дишкантистымъ пѣвчимъ запѣть для пробы кантъ, — сочиненія св. Димитрія: «Исусе мой прелюбезный, сердцу сладосте» и проч., въ которомъ, хотя я и старался слузавить моимъ голосомъ, — ибо партесъ меня тревожилъ, и я думалъ, что такой премудрости немногіе достигаютъ, — однакожь, несмотря на мою осторожность, его преосвященство, призвавъ изъ консисторіи канцеляриста Андрея

Михайлова, велѣлъ ему написать отъ имени моего прошеніе объ опредѣленіи меня куда его преосвященство заблагоразсудитъ, и съ тѣмъ насъ отпустилъ въ консисторію.

На другой день, послѣдовала на прошеніи резолюція: «Регенту, преподобному отцу Палладію, обучать подателя прошенія партесу, имѣя его въ особенномъ своемъ надзираніи и попеченіи». — Это случилось, если память меня не обманывается, мая 16 дня, того (1765-го) года.

Съ симъ жестокимъ для меня декретомъ, — ибо я не желалъ быть пѣвчимъ, — отведены мы къ отцу Палладію, у котораго первому нашему взгляду представилась на столѣ большая бутылъ съ настоенною на трифоліи хлѣбною водкою *).

Въ семъ архіерейскомъ домѣ прожилъ я одиннадцать лѣтъ и одинъ съ половиною мѣсяць, въ теченіи которыхъ что со мною случилось, означу я слѣдующимъ порядкомъ:

§ VII.

Начало жизни моея въ Сѣвовомъ архіерейскомъ домѣ.

Архіерей Тихонъ Якубовскій былъ, по своему сану, особа важная, безъ спѣси. Особа въ поведеніи препорядочная, постоянная и по всему образцовая. Всякой день онъ въ обѣднѣ, а утренняя и вечерняя обыкновенно бывали у него въ залѣ, называемой въ домахъ архіерейскихъ: «крестовая келья». Слѣдственно рано вставать на утреню и потомъ быть готовымъ къ обѣднѣ съ концертомъ и напослѣдокъ въ крестовую къ вечернѣ, было вседневною и непремѣнною обязанностию капелліи.

Послѣ утрени, почти каждодневно, выходилъ преосвященный изъ внутреннихъ покоевъ въ крестовую. Давъ общее всѣмъ осѣненіе и принявши, по уставу греко-восточному, отъ хора пѣвчихъ пѣсенное поздравленіе на греческомъ языкѣ: «исъ полла ети деспота», т. е. на многая лѣта владыце, — давалъ каждому благословеніе. Останавливался на нѣсколько минутъ, велъ обыкновенный разговоръ, а иногда вмѣшивалъ нравоученіе, какое придется по случаю разговора. Онъ, бывши въ Кенигсбергѣ —

*) Трефоліумъ, по-російски троелистникъ, трава горькая, растетъ по мѣстамъ болотнымъ. Она очень полезна людямъ скорбутнымъ-дыготнымъ. Мнѣ она извѣстна стала отъ тѣхъ поръ, какъ я для отца Палладія ее собирывалъ и владѣлъ въ тѣни. Ботаники, аптекари и медики знаютъ ее прежде, нежели я зналъ отца Палладія.

будучи уже духовнымъ — при мисіи, также въ С.-Петербургѣ, не помню въ которомъ кадетскомъ корпусѣ, учителемъ закона, былъ просвѣщеннѣе, не жели обыкновенный, учившійся и учившій въ семинаріи учитель или проповѣдникъ *).

Въ одну пору архіерей, по обыкновенію своему выходя послѣ утрени къ намъ въ крестовую и давъ каждому свое благословеніе, спросилъ отца Палладія о успѣхѣ моемъ въ партесѣ. Услыша отвѣтъ, что я понимаю очень хорошо, приказавъ сдѣлать для меня шинель веленаго тонкаго сукна, не въ примѣръ прочимъ. Всѣ пѣвчіе, особливо тѣ, которые были ближе ко мнѣ лѣтами, завидуя моей шинели, и зная, что я не обществѣ ихъ быть не имѣлъ охоты, провади меня секретаремъ. Но какъ эти насмѣшки меня не безпокоили, — слѣдственно и намѣреніе ихъ раждосадовать меня оставалось безъ успѣха, то присовокупили другія двѣ. Они упрекали меня тѣмъ, что я не ношу на шеѣ креста и на рубашкѣ пояса. Это довольно доказываетъ, какимъ невѣжествомъ омрачалось утро моей жизни.

При началѣ осени, отправился преосвященный, по долгу званія апостольскаго, для посѣщенія христіанъ своей епархіи, обитающихъ въ городахъ: Трубчевскѣ, Брянскѣ и Карачевѣ. По приѣздѣ въ каждый отправлено было въ церквахъ священнослуженіе съ надлежащимъ сану архіерейскому величіемъ. Вездѣ простой народъ тѣснился видѣть святителя, а духовные и дворяне угощали преосвященнаго съ приличнымъ уваженіемъ.

Въ семь небольшомъ путешествіи хотя должность моя состояла въ томъ, чтобы смотрѣть безочередно за партесными книгами, — поелику я по службѣ былъ всѣхъ моложе, и раздавать ихъ по рукамъ пѣвчимъ, когда надобно было пѣть концертъ, оставляя при себѣ книгу своего голоса и хранить ихъ, однакожь въ награду того, не малое количество въ одной точкѣ людей, перемѣнные предметы невиданныхъ мѣстъ, достатокъ въ столовомъ содержаніи, свобода и неподверженность строгимъ отчетамъ за такіа важныя дѣла, какихъ по духовной службѣ

*) Бодотовъ, знавшій Тихона Якубовскаго въ Кѣнигсбергѣ въ 1760 г. отзывается о немъ такъ «...мужь прямо благочестивый, кроккій, ученый и такой, который не дѣлалъ стыда нашимъ россіянамъ, но всѣмъ поведеніемъ своимъ приобрѣлъ почтеніе и отъ самыхъ прусскихъ духовныхъ» (См. «Русскую Старину» 1870 г., прилож. стр. 1000).
Ред.

своимъ нѣтъ, проводили до мнѣ чувствительное удовольствіе, да и были, могу сказать, болѣе для меня образованіемъ, нежели какъ кто нигуда не вывѣдалъ мѣъ мѣста, въ которомъ родился или кто, выйдяши въ чужіе края, предоставлялъ мнѣсто себя адмѣнаніе всего хорошаго своимъ слугамъ, а самъ занимался героическимъ подвигомъ—исвою охотой, наилучшимъ въ природѣ даромъ—любовнинами,—способомъ въ доопрецію ума, въ приобретенію знакомства и друзей—картами.

Карачаевскаго уѣзда, въ Подбинской пустынѣ, назначенной тогда въ уничтоженію, разладился нѣсколько нать порядковъ и возмущился повои. Учитель и опекунъ мой о. Палладій, нѣтъ повидимому прощденію любовь, нодъ опущамъ золотой вольности въ самоволью, скрылся невѣдомо куда. Всюду узнали, что въ ту же пору убѣжалъ изъ Свяскаго архіерейскаго дома зеномъ, іеромонахъ Арсеній. Единновременное ихъ изъ разныхъ мѣстъ бѣгство, не безъ основанія приписывали тайному ихъ согласію; и какъ сіе случилось въ началѣ октября, то слышно было, или догадывались, что они, подражая нѣкимъ птицамъ небеснымъ, слетѣли противъ зны въ тѣлне Волохскіе края *).

На возвратномъ въ Свяскъ пути посѣнилъ преосвященный, въ Карачевскомъ уѣздѣ, въ селѣ Кротовѣ помѣщика, гвардіи отставнаго секундъ-майера Евтиха Иваковича Сафонова. Хозяинъ былъ хоть старикъ, однако радъ гостю; угощаль два дня хорошо, а проводилъ еще лучше. Сколько архіерей ни уговариваль его, чтобы онъ возвратился домой; однако г. Сафоновъ на эту пору былъ упрямаъ. Онъ чрезъ нѣсколько верстъ, провожая преосвященнаго по старому манеру, не даваль ему можно сказать на каждомъ шагу желю, жонлъ разными наитками, кормилъ закусками, плодами—архіерей и сущихъ съ нимъ. Вся архіерейская скромность и трезвенность не могли устоять противъ чистаго усердія г. Сафонова. Архіерей расходился и воспѣлъ: «спаси Господи люди твоя», и проч. Хоръ пѣвчихъ вступилъ въ свою должность,—и было за что! хозяинъ того стоялъ. «Спаси Господи» повторяемо было не щадно. Разставшись почти въ ночь, воспѣли въ вышеупомянутый мною уни-

*) Въ тѣ времена російское монашество находило для себя пріятъ или праздную и независимую жизнь въ Волохскомъ и Молдавскомъ княжествахъ.

чтоженный Столбовскій Николаевскій монастырь, знакомое мнѣ мѣсто. Сіе угодіе трезвенной архіерейской натурѣ не дешево обошлось. Онъ проболѣлъ, однакожъ напоследокъ, собравшись съ силами, приказалъ передъ полуднемъ собрать всѣхъ своихъ официалистовъ. Велѣлъ, чтобы имъ поднесли по рюмкѣ, что чего хочеть, а самъ, сидя и опираясь на трость, улыбался между тѣмъ назирая, какъ каждый поправлялъ свое здоровье и желалъ онаго своему доброму архипастырю. Одинъ же только и былъ Сафоновъ, которому удалось искутить преосвященнаго; болѣе никогда и нигдѣ, во всю мою при немъ бытность, не поддался онъ подобному искушенію.

Я обтокъ монастырь, проходилъ прѣмныя тропинки, вошелъ въ огромную, знаемую мнѣ, но недостроенную церковь, тамъ дѣвелось свидѣть кусокъ кирпича, обратившагося отъ времени въ мелкіе куски; вырѣзанный искусною рукою иконостасъ сложенъ былъ въ одномъ углу и въ половину уже согнулъ и осипался; крыша сгнила и осипалась, но стѣны ничто не коснулось,—онѣ сложены прочно. Карнизы и около дверей и около пиластры и проч. изъ бѣлаго камня, желѣзныя рѣшетки въ окнахъ сработаны наилучшимъ образомъ; внутри и извнѣ на высотахъ церкви снуютъ непрерывно воробы и ласточки, кои отъ давнихъ временъ наслѣдственно вьютъ тамъ свои гнѣзда. Въ обширныя и никогда еще незакрыванныя двери и окна тѣснится свистъ вѣтра и глухой раздается по церкви вой. Гдѣ ты князь Дмитрій Кантемиръ, который не успѣлъ довершить своего храма *)? А вы, сыновья его, князь Тимоѣей и князь Сергій, для чего не кончили отцовскаго намѣренія и воли? Потерпѣло-ль бы чрезъ то ваше обыкновенное въ Москвѣ упражненіе во псовой охотѣ, еслибы вѣждодневно возглашаемо здѣсь было: «создателей святаго храма сего да помянетъ Господь Богъ?»...

Мы выѣхали изъ Столбова. Путь нашъ лежалъ чрезъ Радегожъ, мѣсто моего рожденія; тамъ започивалъ преосвященный въ господскомъ домѣ, принадлежащемъ графу Петру Григорье-

*) Еще будучи при архимандритѣ Варлаамѣ Маевскомъ я слыжалъ, что сія церковь заложена и построена князь-Дмитріемъ Кантемиромъ, повидимому, по случаю близости сего монастыря къ его владѣнію, изъ коего теперъ первое его село обращено въ уѣздный городъ, называемый Дмитровскъ, и что одинъ, наипаче, изъ его сыновей, Тимоѣей, занимался только псовой охотой. Г. Д.

вну Чернышеву.. Я видѣлся съ моимъ дѣдомъ и со всѣми знакомими. Но мнѣ, особенно при пасмурной осенней погодѣ, показалось все скучнымъ и неприятнымъ, какъ ребенку грудь, отъ которой онъ уже давно отнять. Спасной радогожской пустыни, частаго моего пребыванія, уже не было. Она по уничтоженіи уже распродана, а церковь, по повелѣнію преосвященнаго, перевезена въ село, принадлежавшее прежде Сѣвскому Спасному монастырю, обращенному въ домъ архіерейскій. Оставшіяся кучи щебня, глинны, знали мѣсть гдѣ быдо строеніе, охранявшее нѣбогда и мои еще хрищевне составы, дѣйствовали сильно на мою чувствительность. Итакъ, отъ Столбова до Радегожа и Радегожской пустыни все для меня было покрыто душевнымъ мракомъ.

По приѣздѣ въ Сѣвскъ, я уже не имѣлъ надъ собою особаго инспектора, послѣ отца Палладія; я почувствовалъ новую полноту свободы. Онъ былъ человекъ съ латынью; до побѣга еще своего отъ успѣлъ меня обремендовать ученымъ домовымъ и другимъ чиновникамъ, яко то: катихизатору, экзаменатору, казначею, консисторскимъ членамъ, ривничему и проч., которые, полюбя меня, не пропускали иногда внушать преосвященному, что я такой добрый и добрымъ моимъ поведеніемъ отличаюсь отъ всѣхъ тѣхъ, которые хуже меня, Говорятъ, что мнѣніе людей о человекѣ производить въ мірѣ великія шалости: оно дѣлаеть нестоющаго счастія — счастливымъ, дурака — умнымъ, умнаго — дуракомъ. Слѣдственно, мнѣніе и жребій суть одно и то же. Вслѣдствіе сего преосвященный приказалъ мнѣ перейти изъ пѣвческой жить въ казначею, для помощи казначейскому приказному, — и притомъ поручено мнѣ прописаніе поповскихъ и дьяконскихъ грамотъ *), кои доставляли мнѣ годового дохода около шестидесяти рублей, безъ лишенія меня и пѣвческихъ приблѣкъ съ титуломъ моего званія.

§ VIII.

Продолженіе жизни въ Сѣвскомъ архіерейскомъ домѣ.

Въ началѣ 1768 года преосвященный Тихонъ Явубовскій переведенъ на Воронежскую епархію. Но прежде отъѣзда сво-

*) Въ сѣхъ грамотахъ вписывается на порожнихъ мѣстахъ, оставленныхъ между печатными строками, имя оставленнаго попа или дьякона, такожь — куда, въ какой церкви? когда посвященъ? и проч. и наослѣдокъ въ началѣ

его на оную, ѣдешь со всѣмъ нѣтатомъ своимъ для прощанія съ матерью своею въ малороссійское мѣстечко Коронъ—нынѣ уѣздный городъ *), а на мѣсто его произведенъ въ епископы Кириль Флоринскій, который, по привѣдѣ своемъ, въ недѣлю православія посвятилъ меня въ стихарь, опредѣлилъ меня держать передъ нимъ во священнодѣйствіи чиновникъ-книгу, по которой архіерей священнодѣйствуетъ, принимать и подавать ему пастырскій жезлъ. Стихари разныхъ матерій очень меня веселили, а близость въ архіерею вливала въ меня нѣкое любовствіе. Сей архіепастыръ, яко видѣнный большой парижскій свѣтъ, приказалъ, чтобы всѣ окружающіе его, въ его священнодѣйствіи, молодые люди были причесаны съ пудрами подъ пудрою. Не будемъ вопрошать, встали ли пудра и пудли къ алтарю и въ распущеннымъ по клочкамъ волосамъ? Но скажемъ о томъ, что ему не малого стоило труда приучивать въ сей причесотіи завосыблюю монашескіну, напротивъ чего я, еликобѣ будучи отъ природы къ обратности до щегольства; всегда его веселилъ слѣбною чосвою монхъ волосъ, и билъ у него образцовъ для другихъ.....

Кириль Флоринскій родился въ малороссійскомъ мѣстечкѣ Барыновѣ. Онъ, будучи въ Кіевѣ студентомъ, взать былъ съ прочими во дворъ пѣвчимъ, но, не помельвъ продолжать сей должности, ходилъ на лекціи экспериментальной физики къ профессору Морбаху. Оттуда взать митрополитъ новгородск. Сѣченовымъ въ учителя 4-го класса новгородской семинаріи и посвященъ въ сорть людей влннующихся бытъ индични, и отрекающихся произвольно отъ всего того, что въ жизни есть для смертнаго пріятнымъ. Посему можно догадаться, что онъ постриженъ въ монахи. Потомъ, посланъ въ Парижъ, для отправленія при російскомъ полномочномъ послѣ свидѣнческой должности, откуда, по прошествіи пяти лѣтъ, возвратился въ Россію, сдѣланъ архимандритомъ въ новоторжскій борисоглѣбскій монастырь, изъ коего посвященъ въ архіерея, въ сѣвскую епархію. По его словамъ, онъ избранъ въ сіе достоинство самою императрицею Екатериною Второю, по случаю гово-

грамоты подписываетъ ее самъ архіерей по формѣ: «Божію милостію... снѣрвний NN епископъ или митрополитъ» и проч. Р. Д.

*) Коронъ—заштатный городъ Чернигов. губ., Кролевецкаго уѣзда. Ред.

решной или въ особѣ ея рѣчи, во время путешествія ея изъ Петербурга, чрезъ Тверь и Торговъ, въ Москву. Онъ былъ чрезмѣрно пылкаго, высокоумнаго и горячаго свойства, твердаго духа и остраго разума. Даръ слова и присутствіе памяти—были жерными его дарованиями; а латинскій и французскій языки, которые онъ хорошо зналъ, придавали ему со стороны другихъ морское мнѣніе. Но не знаю, въ какому царству природы надлежитъ приписать ту силу, которая смѣла была отвлечь его отъ трезвости, скромности въ языкѣ и въ речахъ. Свойства его еще будутъ видны изъ описанія его дѣлѣй, присоединяющихся по временамъ и обстоятельствамъ въ моей исторической истеріи.

Въ прибавку въ счастье моихъ волосъ, архіерей возжелъ однажды съ архимандритомъ Карпинскимъ *) въ величайшую контору, и увидѣвъ меня пишущаго, похвалилъ насъ нисѣмъ. Архимандритъ прибавилъ къ тому, что я дѣтина скромный и постоянный, и что бывшій архіерей меня жаловалъ. Я въ первый разъ тогда услышалъ, что скромность и постоянство въ людяхъ не меньше значать, какъ и чоска волосъ.

Въ семъ архіерейскомъ домѣ было обыкновеніе, занятое отъ московскаго архіерейскаго дома **), что производящееся во

*) Рильскій архимандритъ Іакинфъ Карпинскій. Онъ былъ особа въ числѣ ученыхъ; въ латинскомъ языкѣ называли его Циперономъ. Его сочиненія есть книга печатныхъ проповѣдей. Онъ былъ малоросль и тонокъ; чрезмѣрно честолюбивъ и горячъ, и иногда чрезмѣрно скромнъ, иногда же чрезмѣрно веселъ, говорилъ и забавелъ. Все архіерей, его времянь, знали его и почитали за ученость, но не любили за самолюбіе. Многие были изъ его учениковъ архіереями, въ томъ числѣ и оба сѣвскіе, т.-е. Якубовскій и Флоринскій. Ему неоднократно по старшинству и учености доставалось быть епископомъ,—но,—какъ я слыжалъ отъ преосвященнаго Флоринскаго,—однимъ изъ синодальныхъ членовъ на сей случай сказали: «Онъ по натурѣ пигмей, а думаетъ о себѣ, что онъ съ ивановскую московскую колокольню». А другой: «онъ достоинъ быть архіереемъ, но всю рязницу по своему росту перепортитъ», и, между тѣмъ, какъ великаго переубуживала пигмея и переводили его изъ монастыря въ монастырь, съ архимандріи на архимандрію, то-есть изъ Сѣвскаго-Слазскаго,—что потомъ архіерейскій домъ,—въ Рильскій Николаевскій; изъ Рильскаго—въ Голутвинъ, изъ Голутвина въ Бѣлозерскій Кириловскій.—Карпинскій дожилъ до глубокой старости, и скончался мирно, не получая архіерейства, по причь, что былъ малаго роста и високаго ума. Г. Д.

**) Сѣвская епархія отдѣлена отъ московской; почему и сѣвскій архіерей именовался съ первыхъ глѣтъ учрежденія: «московской епархіи викарій».

священно и церковнослужители, посылаемы были отъ архіерея для наученія ихъ читать, писать, позванію церковнаго устава и проч. къ почетнымъ заслуженнымъ монашествующимъ и въ пѣвчимъ, и до тѣхъ поръ не были они посвящаемы и опредѣляемы къ мѣстамъ, пока не получали письменныхъ къ архіерею отъ своихъ учителей засвидѣтельствowanій. Сіи засвидѣтельствowanія могли умножать годовые всякаго учителя доходы, до двухъ сотъ рублей, смотря по числу и достатку учениковъ. Его преосвященство удостоилъ и меня сей не безкорыстной должности, чѣмъ сравнивалъ меня съ продолжавшими двадцати-лѣтнюю при домѣ службу, хотя мнѣ и отъ роду не было еще 20-ти лѣтъ. Но какъ я не былъ еще искусенъ пользоваться сими неокладными доходами, то и довольствовался всегда тѣмъ, что мнѣ дадутъ. Просители, узнавъ одинъ отъ другого мою добродѣтельную простоту, начали многіе просить посредства консисторскаго члена крестоваго іеромонаха Ирнарха Рудановскаго, который близокъ былъ къ архіерею, чтобъ они въ наученіе отсылаемы были ко мнѣ, а не къ другимъ. Простосердечные просители не достигали, что они симъ прошеніемъ обижаютъ правосуднаго консисторскаго судію. Оскорбленное его корыстолюбіе проникнуло, что по мѣрѣ умноженія у меня ставленниковъ, уменьшилось бы у него количество оныхъ. Онъ не имѣлъ слабости пренебречь простоту просителей, и разсмѣяться моею невинности. вмѣсто того, онъ заблагоразсудилъ оклеветать меня архіерею, что будто я изъ корысти подговариваю просителей проситься ко мнѣ въ наученіе; сію клевету объявилъ мнѣ пріятельскій судейской фаворитъ. Извѣстно, что отъ фаворитовъ ничего не скрываютъ; а фавориты, такъ же, не всегда все и не передъ всякимъ скрываютъ. Архіерей, однакожь, оставилъ докладъ безъ вниманія. Можетъ быть, онъ видѣлъ что тутъ дѣйствовали корыстолюбіе и зависть. Но чѣмъ меньше имѣлъ Рудановскій успѣха въ своемъ подвигѣ, тѣмъ болѣе я нажилъ въ немъ для себя непріятеля. Зло возвышается тѣмъ же правиломъ, которымъ и добродѣтель; оно никогда на первомъ шагу не останавливается. Однакожь, пока что послѣдуетъ, счастье мое по сему духовному департаменту восходило постепенно, а слѣдующій случай возвысилъ его еще больше.

Во всякую четыредесятницу принялся его преосвященство

толковать каждадневно въ церкви народу псалтирь. Къ чести его должно сказать, что онъ многія въ оной непонятныя многия неученымъ и многимъ ученымъ мѣста, кратко и ясно открывалъ; а мнѣ, стоя въ олтарѣ, вздумалось, пока онъ говорилъ, любопытнѣйшія изъ его толкованій мѣста записывать на-споро въ тетрадку. Продолжая нѣсколько дней мои замѣчанія, понерадѣлъ единожды схватить съ окна мою тетрадку, какъ архіерей, по окончаніи своего въ народу поученія и изъясненія псалтири, вошелъ въ олтарь. Онъ увидѣлъ и сталъ смѣяться записки, а я не зналъ за что почтется моя канцелярія. Въ счастію, я сомнѣвался напрасно; ему не противно было читать свое рассужденіе, изъясняющее самыя темныя въ псалтирѣ мѣста.

Онъ подозвалъ меня къ себѣ, и держа въ одной рукѣ мою тетрадку, а въ другую взявъ мою руку, говорилъ мнѣ привѣтствіе и поученіе, почти въ точныхъ словахъ:

«Не одинъ тотъ бываетъ ученъ, кто многимъ учился наукамъ; но и тотъ, кто съ примѣчаніемъ живетъ. Я въ тебѣ нахожу послѣднее. Продолжай такъ, какъ ты началъ. Примѣчай всякое мое слово, не только въ публичныхъ поученіяхъ, но и въ обыкновенныхъ разговорахъ, вѣрь мнѣ, что ты, будучи подъ моимъ руководствомъ, будешь умнѣе всякаго киевскаго студента; ибо я, по благодати Господней, имѣю столько знанія, что меня уже никто учить не въ состояніи».

При моемъ радостномъ замѣнательствѣ, хотя трудно мнѣ было узнать, себя ли онъ больше хвалилъ, или меня одобрялъ, однакожъ я не забылъ, по обыкновенію духовныхъ, пасть ему въ ноги. Казалось мнѣ, что я уже на третьемъ небѣ, и слышу неизреченныя глаголы; о свѣтскихъ степеняхъ тогда слабое имѣлъ я понятіе, и мнѣ онѣ казались больше препятствіемъ къ наследованію царства небснаго, нежели знаками внутреннихъ достоинствъ, и заслугъ государю и отечеству, тѣмъ болѣе, что люди, находящіеся въ свѣтской службѣ, ѣдятъ по постамъ мясо, такъ какъ всѣ иноземцы *).

*) Въ среднемъ уже моемъ вѣкѣ я образумился, что «если грѣхъ мясо ѣсть въ постъ, то грѣшнѣе еще убивать животныхъ въ мясоѣдѣ», и что какъ духовные, такъ и свѣтскіе наружныя знаки достоинствъ не рѣдко бываютъ вывѣсками качествъ дурныхъ и пронырливыхъ людей.

По семь явленіи и дѣйствіи, я уже никогда не вынуждалъ изъ руки пера и тетради во время толкованія его преосвященствомъ исалтири. Помни, говорилъ я самъ себѣ, что учителя твоего никто учить не въ состояніи, и вѣрно потому, что онъ былъ въ Парижѣ, о которомъ нѣкоторые поэзіи разсказываютъ; что тамъ и осламъ перерождаются въ подобныя нѣмъ мнѣшныя лошади».

Нитался гордыми и всѣмъ исалтирическимъ свойственными мыслями, надулся я не меньше, какъ тотъ мѣвской флигофусъ, который попался на увѣздѣ въ инспекторы въ дѣтѣмъ богатаго господина, и преобразился изъ длинной черкески въ вуцкы кафтанъ.

§ IX.

Путешествіе.

Въ маѣ мѣсяцѣ (1768 г.) послѣдовалъ отъѣздъ преосвященнаго въ Глинскую пустынь, отстоящую отъ Сѣвска 70, а отъ Глухова 10 верстъ. Двѣ причины побудили его къ сему отъѣзду: 1-я) приниманіе соковъ; 2-я) защищеніе принадлежащаго той пустынѣ прекраснаго и достаточнаго лѣса, отъ князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго, который на ту пору былъ въ рыльскихъ своихъ деревняхъ, и которому тотъ лѣсъ потребенъ былъ на винокурни, состоящія въ ивановской его отчинѣ.

По возвращеніи въ Сѣвскъ, послѣдовалъ — съ дозволенія синода — отъѣздъ преосвященнаго, іюня 9-го въ Кіевъ, на 29 дней, со всѣмъ клиромъ. Путешествіе было очень пріятное въ разсужденіи немалолюдства и погоды.

Въ Батуриинѣ сказанный мною выше архимандритъ Карпинскій пошелъ изъ любопытства въ домъ и садъ фельдмаршала графа Разумовскаго, котораго на ту пору не было дома. Потомъ въ старинной земляной замокъ, къ церкви, построенной гетманомъ Мазепою и разбитой Петромъ Великимъ по извѣстному въ исторіи происшествію. Я ввязался за нимъ. Стѣны церкви и внутри два столба, поддерживавшіе нѣкогда куполь или арку, были еще въ цѣлости. Онъ, зная, что произошло съ сею церковью, съ Батуриномъ и съ Мазепою, во время войны противъ шведовъ и повидимому разсуждая мысленно о происшедшихъ на сихъ мѣстахъ между смертными дѣйствіяхъ; и о проклятіи,

съ печальнымъ видомъ сказалъ текстъ изъ пророка Давида: «проклянутъ тѣи, и тѣи благословенни».

Въ Пѣвлинскомъ греческомъ монастырѣ преосвященный литургисалъ. Послѣ чего, греки запросили его изъ церкви на водеу, и поднесли ему на тарелкѣ, въ подарокъ, имперіаль. Архіерей, взглянувъ на жертвоприношеніе, благодарилъ ихъ слѣдующими словами: «Даръ Духа Святаго на сребрѣ не продается. Архіереи российскіе пользуютсѣ определеннымъ монашскимъ содержаніемъ, а въ Греціи они живутъ подаяніемъ. Отдайте-жъ этотъ имперіаль своимъ нищимъ архіереямъ. Они вамъ спасибо свяжутъ».

Македоно-византійцы *) не рассудили испытать десяткомъ имперіаловъ не продающаго на сребрѣ даръ Духа Святаго. Они, будучи знатоки въ оригиналь священнаго писанія, болейше чести услышать другой священный текстъ: «Кто посеетъ стадо, тотъ отъ млека его ѣсть, и отъ шерсти одѣвается», и: «служащій алтарю, съ алтаремъ дѣлается». Посему, взявши казадъ имперіаль, кончили сіе дѣйствіе пантомимомъ: «не введи насъ во искушеніе».

Прибывъ въ городъ Козелець, заѣхалъ преосвященный, для отдохновенія, къ тамошнему протопопу Дубянскому. Протопопъ, или не предварень будучи о прибытіи гостя, или надуть гордымъ поученіемъ отъ двора **) царскаго, не только не встрѣтилъ архіерея, но и въ самыхъ своихъ покоехъ заставилъ дожидать себя довольное время. Архіерей, между тѣмъ, ходя по горницѣ и разговаривая съ архимандритомъ Каринскимъ, который всегда при немъ находился, услышавъ шумъ хозяйскаго изъ дальнихъ покоевъ шествія, обратился лицомъ къ большому на стѣнѣ зеркалу. Протопопъ, подошедъ съ низиннѣ поклономъ въ бокъ къ архіерею, «проситъ благословенія архимандритскаго». Архіерей, не отвѣтствуя ему, продолжаетъ съ архимандритомъ разговоръ, на счетъ гордости духовныхъ и любостыжнія. Архимандритъ, сообразуясь, какъ ученый, — философъ, какъ духовный — религіи, продолжаетъ лицемѣрно: «пурпироносный пророкъ обла-

*) Принимать надлежитъ, что вслѣдъ грехъ, когда его спросишь, изъ какой онъ страны Греціи? отвѣчать: «изъ Македоніи», дабы придать себѣ важности славвою Александра, великаго завоевателя. Г. Д.

**) Онъ былъ духовникомъ государыни императрицы Елисаветы Петровны. Г. Д.

дать цѣлымъ царствомъ, но кротость и незлобіе его суть для насъ, и будутъ для потомковъ нашихъ вѣчнымъ примѣромъ».

Архіерей: «Кое общеніе свѣту ко тьмѣ! кое общеніе Христови съ Веліаромъ!»

Протопопъ сталъ какъ осужденный; принужденъ былъ дослушивать драму, представленную на его счетъ въ его домѣ, а архимандритъ сказалъ погромче: «ваше преосвященство! отецъ протопопъ здѣсь». Архіерей повернувшись сказалъ: «а! я думалъ васъ и дома нѣтъ». Протопопъ извинялся, какъ умѣлъ, и какъ требовало обстоятельство дѣла; а архіерей превратилъ его извиненіе семи миролюбивыми словами: «Богъ да проститъ и помилуесть всѣхъ васъ, и подобныя вамъ дураковъ».

Такимъ образомъ, смиренный *) епископъ исправя протопопскую неисправность своею гордостью, выѣхалъ, по отдаленіи, изъ Козельца съ Карнинскимъ впередъ. Въ числѣ оставшагося назадъ обоза, находился и я.

Въ обозѣ нашемъ случилось напередѣ ѣхать поварѣ, подъ которою вскорѣ что-то повредилось. Пьяный поваръ Степанъ хотѣлъ слѣзть для поправки, но силы ему намѣнились. Онъ упалъ головою внизъ къ лошадямъ, а ноги остались на оглоблѣ, и въ семь положеніи пребылъ спокоенъ надолго. По сей причинѣ, весь обозъ остановился и разѣѣхался безъ порядка по дорогѣ.

Въ самую ту пору, усмотрѣли мы сзади себя скачущихъ вдалькѣ по дорогѣ двѣ кибитки тройками во весь опоръ, съ которыхъ всѣ пассажиры, будучи еще въ самой дальности, машутъ руками и кричатъ, повторяя почти безнерерывно: «съ дороги—съ дороги! право—право!» я понялъ ясное требованіе, свернулъ не только съ дороги, но и убрался въ сторону сажень на 10, съ моею кибиткою. А прочіе, хотя и не всѣ были пьяны, однакожъ вознерадѣли исполнить требованіе скоробѣгущихъ, которые, наслававши въ одинъ мигъ, выскочили изъ кибитокъ 4 человекъ съ толстыми калмыцкими плетями. Пьяный поваръ покоился еще въ прежнемъ положеніи, и лежа между колесъ кричалъ: «Государева дорога широка». Но какъ неизвѣстные наши прыткочи наврыли его толстыми своими плетями,

*) Общій титулъ всѣхъ архіереевъ.

то онъ, мгновенно вострепнувшись, началъ бѣгать въ обѣ стороны дороги, а они, въ догонку, не переставали подгонять его въ измѣренію широты государевой дороги, приговаривая за каждымъ ударомъ: «кабинетъ-курьеру давай дорогу! кабинетъ-курьеру не указывай». Изъ сей приговорки я узналъ о ихъ званіи, если только правду они говорили. Удовольствовавъ такимъ образомъ повара, бросились въ ближней кабинетѣ, въ которой сидѣлъ бѣловолосой дьяконъ Степанъ Лукьяновъ. Онъ былъ боленъ лихорадкою, отъ которой, въ прибавку къ бѣлымъ его волосамъ, поблѣвъ цвѣтъ его лица, посему они сочли его за сѣдого старика, и за господина всего обоза. Кричать на него: «для чего ты, сѣдой хрипъ, не учишь своихъ подомандныхъ? чортъ ты, или протопопъ?» съ сими вдругъ словами, выдергиваютъ его за руки изъ кабинета. Дьяконъ уже былъ на готовѣ къ измѣренію въ свою очередь широты государевой дороги; однакожъ великодушные курьеры, продержавъ его на одномъ мѣстѣ и влѣпивъ ему въ спину съ подюшкины нагасѣ, усаживали въ свой путь. Они безъ сомнѣнія были бы дальше, если бы не останавливались для такихъ дракъ, безъ которыхъ всякому курьеру обойтись можно, а особливо такому, которому время назначается отъ кабинета.

Изъ сей трагедо-комедіи вышла польза та, что съ повара соскочилъ хмѣль, а дьякона погнула лихорадка. Посему, посоветовалъ я дьякону и повару догнать курьеровъ, и купить хоть одну изъ тѣхъ цѣлительныхъ пьестей, которые исцѣляютъ пьяныхъ и лихорадочныхъ. Увѣрялъ ихъ, что въ лицахъ курьеровъ были киевскіе чудотворцы, вторые знали, что двумъ Степанамъ нужно было исцѣленіе. Но дьяконъ, какъ въ горячѣ, сильно меня бранилъ, даже до того, что бросилъ въ меня бутылку съ микстурой, которая разбилась объ колесо. Я обѣщалъ ему купить бутылку микстуры, если его возобновится лихорадка.

Въ Бравахахъ, 18 верстъ отъ Кіева, дождалъ преосвященный всѣхъ своихъ, простоялъ тамъ цѣлый прекрасный день и переночевалъ въ домѣ, принадлежащемъ не помню какому-то монастырю. Изъ сего дома всѣ зданія Кіевонечерской лавры представляются зрителю во всемъ своемъ совершенствѣ. Архіерей во все время своего здѣсь отдохновенія, какъ магнитъ на сѣверъ, направлялъ свой взоръ на Кіевъ, и иногда съ сопровожденіемъ

вздоха. Безъ сомнѣнія, внутреннее движеніе привело ему на память прошедшую юную кievскую жизнь; потомъ Петербургъ, Новгородъ, Парижъ, Торжокъ, и, наконецъ, настоящее состояніе, отличное совсѣмъ отъ того, въ которомъ онъ выѣхалъ изъ Кіева студентомъ.

§ X.

Кіевъ.

Назавтра, въѣздъ въ Кіевъ просвященнаго ознаменованъ былъ колокольнымъ звономъ въ пещерной лаврѣ, гдѣ и квартира припоготовлена по приказанію начальника лавры архимандрита Зосими Валькевича.

На другой съ пріѣзде день, иеросвященникъ во всѣмъ своемъ штатомъ пошелъ, въ предшествіи начальника пещеры, на поклоненіе святымъ мощамъ, почитаемымъ въ пещерахъ.

Долгій, подвемальный съ вздохами ходъ, въ-ночь сводовъ когараю души премоудрыхъ вознеслись въ саемія небесныя, былъ еще невиданнымъ для меня зрѣлищемъ. Деланіе по обѣимъ сторонамъ въ сдѣланныхъ впадинахъ гроби съ тѣлами святыхъ, умножили во мнѣ священное почитаніе къ мѣсту, и наводили какое-то неизобразимое удовольствіе. Нетлѣніе, кагнрмѣрь, избіеннаго отъ Ирода младенца—котораго крѣта я не видалъ, но видѣлъ яшмѣ, довольно высоко прибиты къ стѣнѣ, увѣрило меня въ истинѣ происшествія сихъ временъ, и въ неправости дѣяній сего іудейскаго владѣтеля, котораго вѣра преклоняется, а исторія чтитъ великимъ и проч... Мое тогдашнее понятіе покоилось на лонѣ вѣры, и не знало, что міръ сей для человека есть лабиринтъ и загадка.

Въ Кіевѣ прожили мы недѣли съ двѣ, въ теченіе которыхъ просвященный священнодѣйствовалъ во многихъ монастыряхъ. Кіевскій митрополитъ, Арсеній Могиланскій, принялъ нашего іерарха въ своемъ сіево-софійскомъ архіерейскомъ домѣ и угостилъ обѣденнымъ столомъ.

Прочихъ монастырей начальники принимали сѣвскаго первосвященника *) со всевозможною почестію, и съ обыкновенною въ системѣ духовенства униженностію. Можно сказать, что сіе, узражающее столицу благочестія, общество умѣетъ поняти

*) Тогда малороссійскіе монастыри владѣли еще деревнями. Г. Д.

свѣтхъ іерарховъ. А въ Золотоверховскомъ Михайловскомъ монастырѣ прожилъ преосвященный нѣсколько дней съ ряду со всѣмъ штатомъ, въ воспоминаніе проведенныхъ въ семь монастырѣ ювенескихъ свѣтъ лѣтъ, въ должности писаря, кривошеница, — дѣвчача — и канцаркистра. Архимандритъ сего монастыря Феодотіеъ Мачульскій, давно преосвященному знакомый, знающій языкъ и счастливыхъ качествъ, принялъ преосвященнаго дружески и угостилъ всѣхъ*).

Кіевскій губернаторъ Воейковъ далъ для преосвященнаго обѣданный столъ.

Въ бытность архіерея въ братскомъ училищномъ монастырѣ, обступили его учителя академическихъ классовъ и, между многими задачами, сдѣлали вопросъ: «если бы фурукъ или жидъ тонули вмѣстѣ съ христианиномъ, то котораго изъ нихъ скорѣе должно спасать?» Архіерей отвѣчалъ: «котораго попадо». Каждый на этотъ отвѣтъ сдѣлалъ свое движеніе, пошли равныя мнѣнія, и равныя толки, потому что не имѣли лучшаго дѣла. А архіерей, между тѣмъ, потребовалъ академическаго журнала того года, въ которомъ обучался лозвін, и напелъ въ немъ, о свѣтѣ, едѣланную рѣчь учителя Карпинскаго, которая не одобряла ученика Флоринскаго, и удерживала въ томъ же классѣ еще на одинъ срокъ, какъ таково ученика, который худо учился.

Архіерей, подозвавъ въ себѣ архимандрита Карпинскаго, позвалъ ему мальцемъ худое о себѣ свидѣтельство; архимандритъ поврасилъ, а архіерей дополнилъ: «ложная ваша отвѣтка опорочила весь академическій журналъ; однакъжъ я не истреблю ее теперь. Пусть она служитъ свидѣтельствомъ вашей слабости». О сей отвѣтѣ, послѣ уже чрезъ нѣсколько лѣтъ, случилось мнѣ слышать отъ самаго преосвященнаго обстоятельнѣе слѣдующее:

«Архимандритъ Карпинскій, — говорилъ преосвященный, — будучи въ кіевскихъ школахъ учившемъ пѣтиторскаго класса, при выпускѣ изъ онаго въ высшій классъ учениковъ, въ числѣ которыхъ и я находился, неудостанлъ меня вышнато класса, мста за то, что я, когда-то проходя мимо его, и не примѣта его,

*) Сей архимандритъ былъ потомъ архіеремъ сѣвскимъ и наконецъ бѣлоградскимъ. Имя его есть въ печатномъ словарѣ.

не снялъ шапки; почему и принужденъ я былъ пробить въ поэзіи до будущаго перевода, при которомъ, — продолжалъ преосвященный — отомстить я въ свою очередь своему учителю; ибо когда онъ отмѣтилъ меня достойнымъ, то я противъ того объявилъ, что я, со всею моею прилежностію, худо научился подъ руководствомъ моего учителя, хотя онъ меня и аттестуетъ, почему и продолжалъ ученіе въ поэзіи третій срокъ, въ противность одобренія меня моимъ учителемъ. По сей-то причинѣ, — заключилъ учащій: «не воздавать зла за зло, ни досажденія за досажденіе», памятна мнѣ та отмѣтка, которую я, въ глазахъ Карпинскаго, во искушеніи былъ выдрать изъ книги».

Нѣтъ сомнѣнія, что такое неугомонное свойство основывается не на слабой памяти и не на добромъ сердцѣ; но объ этомъ не умѣю какъ сказать, что преосвященный всегда, и даже въ самомъ священнодѣйствіи обыкновенно доходилъ до такого поворота, что иному изъ окружающихъ его подчиненныхъ или сослужащихъ, трикиріями *), — бороду подождеть, иному елокъ волосъ вырветъ, иному кулакомъ дастъ въ зубы, иного пхнетъ ногою въ брюхо. Все сіе дѣлаетъ онъ при чрезвычайномъ на всю церковь кривѣ бранными словами, гдѣ бы то ни было, въ олтарѣ или среди церкви, а особливо въ ту пору, когда его облачаютъ въ священныя одежды. Можно сказать, что онъ тогда похожъ бываетъ на храбраго воина, отбивающагося отъ окружившихъ его непріятелей.

Кіевскіе священнослужители, яко не его подчиненные, хотя свободны были отъ таковыхъ его наглостей, однакожъ необыкновенное позорище, а иногда и басавшееся ихъ ругательство въ мѣстахъ богопочтанія, показалось имъ ужаснымъ, такъ, что они уже въ слѣдующіе дни не хотѣли съ нимъ священнодѣйствовать, почему митрополитъ Кіевскій имѣлъ необходимость употребить всю свою кротость на соглашеніе ихъ къ священнодѣйствію съ нашимъ архіереємъ.

Каково оно ни есть, хорошо или худо, я пишу истину. «Изъ гнѣсни слова не выкинешь!» Умудрись-же, кто мастеръ, трафить въ любовь къ такому владыкѣ!

Такъ, сѣвскія церкви смиренный епископъ, показавши въ

*) Трикиріями называются подсвѣчники, которыми архіереи осѣняютъ въ церкви предстоящихъ.

богоспасаемомъ градѣ Киевѣ душевныя и тѣлесныя свои дарованія, отбыль, по обыкновенномъ со всѣмъ начальнымъ духовенствомъ и съ губернаторомъ прощанья, изъ Кіева, и прибыль въ Сѣвскъ около 10 іюня (1768 г.).

§ XI.

Пробываніе въ Сѣвскѣ, и возложеніе на меня новой должности.

По прибытіи въ Сѣвскъ отдѣлилъ преосвященный отъ консисторіи производство ставленическихъ дѣлъ *), учредилъ особую для нихъ контору, назвалъ ее: «Ставленческою конторою», велѣлъ въ ней присутствовать ризничему, а письмоводителемъ быть мнѣ. Предписалъ своеручно брать со всякаго производящагося въ пошы—за производство дѣла, за выучку катихизиса, за бумагу, за письмо и проч. 7 руб., съ дьякона 5 руб., а съ посвящаемыхъ въ стихарь 3 руб. 50 к. съ тѣмъ, чтобы чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ собранную сумму раздѣлять на всѣхъ пѣвчихъ. Сіе собственноручное предписаніе прибито въ ставленической конторѣ на стѣнѣ, для свѣдѣнія и исполненія. Такое учрежденіе, какъ онъ самъ говаривалъ, «казалось ему безгрѣшнымъ, поелику оно малою цѣною освобождало просителей отъ тяжкихъ, издревле введенныхъ взятокъ, а наиболѣе обыкновенныхъ по консисторіи: что самое и побудило его отдѣлить отъ оной ставленическія дѣла». Но онъ пропустилъ замѣтить, что большія взятки не видны, ежели они берутся безъ предписанія, а предписаніе меньшихъ, есть уже преступленіе противъ закона государыни императрицы, благоволившей для содержанія духовныхъ сдѣлать достаточное штатное положеніе.

Всѣхъ кандидатовъ на священство и діаконство поручилъ обучать катихизису консисторскому члену крестовому іеромонаху Принарху—который былъ человекъ съ латынью,—и брать съ нихъ въ кружку вышеопредѣленное число денегъ, а мнѣ поручилъ всѣхъ стихарныхъ свидѣтельствовать въ чтеніи, писаніи, знаніи церковнаго устава и катихизиса, и сіе свидѣтельство подписывать на дѣлѣ, которое свидѣтельство было удостоеніемъ ихъ въ посвященію въ стихарь; буде же бы который изъ нихъ не заслуживалъ еще такового одобренія, тотъ доучивался въ

*) Ставленниками при архіерейскихъ домахъ называются тѣ просители, которые производятся въ церквамъ, во священно и церковно-служители. Г. Д.

опредѣленной на то ставленической школь; при засвидѣтельствваніи же долженъ мнѣ былъ каждый положить, по предписанію, въ общую кружку 3 р. 50 к., а чѣмъ скорѣе кто хотѣлъ засвидѣствованія, тѣмъ меньше жалѣлъ прибавки для меня сверхъ кружки, почему и былъ я въ состояніи лучше другихъ одѣться, имѣть порядочное бѣлье, и побольше денегъ, нежели кто получаетъ изъ кружки. Хотя преосвященный мнѣ этого и не предписывалъ, однакожь подаль случай догадаться, какъ употребить благотворительную его довѣренность. Догадка моя не основывалась на строгой добродѣтели, но на подражаніи людямъ, слывающимъ большею частію честными и расторопными, а притомъ, сама скромность требовала избѣгать честолюбія, чтобъ не прославляли меня слишкомъ добродѣтельнымъ.

Новое сіе введеніе родило во всемъ архіерейскомъ штатѣ, а особливо въ консисторскомъ секретарѣ и приказныхъ, жестокое противъ архіерея негодованіе, а противъ меня самую ядовитую зависть.

Какія изъ сего вышли слѣдствія, сказано будетъ ниже въ 1770 году, а теперь, не прерывая времени, скажу, что въ зиму сего года угодно было преосвященному приняться самому по вечерамъ и по утрамъ учить меня, своего келейнаго, и еще двухъ пѣвчихъ латинскому языку и ариеметики. Я увѣренъ будучи, что ученье его не легко достанется, ускорилъ сыскать для ариеметики изъ города вупца, который былъ прежде у виннаго отступщика повѣреннымъ и бухгалтеромъ, но за пьянство лишенъ сего достоинства, и держалъ его на своемъ винѣ, пока узналъ, какъ счислять, слагать, вычислять, умножать и раздѣлять.

Будучи подъ его руководствомъ, являлся я всегда къ преосвященному съ исправными рѣшеніями на заданные уроки, а бѣдники, мои соученики, всегда являлись на ученье подставляя архи-учителю руки, для битья по нимъ деревянною лопаткою, называсмою на духовномъ языкѣ, въ именительномъ смыслѣ, п а л я.

Какъ нѣкогда архіерей представлялъ меня имъ образцомъ, то одинъ изъ нихъ во оправданіе свое донесъ, что я имѣю особаго для ариеметики учителя, но за это архіерей меня похва-

дль, принявъ содержаніе учителя за доказательство моеѣ охотн и прилежности къ науцѣ.

Когда дошли мы, т.-е. одинъ я,—до извлеченія радикса квадратнаго и кубическаго, то архіерей для лучшаго намъ понятія ставилъ на столъ деревянную кубическую вершка въ два фигуру, сдѣланную нарочно на сей случай, но фигура наша имѣла почти совсѣмъ другое употребленіе, нежели для чего была сдѣлана. Архіерей часто бросалъ ее черезъ столъ по лбамъ, по головамъ непонятныхъ учениковъ, которые должны были всѣ разомъ за нею бросаться подъ стулья, подъ канаве, подъ столики, если она туда закатится, и паки подавать ее архи-учителю. Посему, извлеченіе нашего радикса похоже было нѣсколько на игру въ мячикъ.

По первому зимнему пути, послѣдовалъ походъ намъ въ городъ Рыльскъ, Бѣлополье, въ мѣстечко Михайловку, и въ прочія по сему тракту лучшія селенія «для осмотра благочинія», къ наблюденію котораго обязацы цастыри данными имъ отъ снода правилами, коими велѣно имъ каждые три года посѣщать единожды свою епархію, обозрѣвать: «како пребываютъ братія». Съять имъ сѣмя евангельскаго ученія, и утверждать въ единоврѣи; явить имъ собою правило врѣи, образъ кротости, воздержаніе учителя, и проч.: все это сдѣлать во столько времени, сколько онаго станеть на то, чтобъ заѣхать имъ въ лучшіе монастыри и дома, поповоиться и попировать, а не рѣдко получить и подарки.

Въ Рыльскѣ преосвященный говорилъ свои поученія къ народу, наполненныя гоненіемъ на старовѣровъ, и жаркимъ доказательствомъ ихъ заблужденія. А какъ сей старой вѣры держался одинъ изъ дворянъ, оберъ-офицеръ въ отставкѣ, Сисой Воропановъ, то преосвященный стоѣ ярко на него наступилъ, что принудилъ его торжественно въ церкви «проклясть и анаемъ предать» всѣ старообрядческіе толки, и раскольникамъ не покровительствовать. Купцы, выслушавъ съ христіанскимъ терпѣніемъ архіерейскую, въ сильныхъ выраженіяхъ, проповѣдь, и угостя его жирными своими обѣдами, пивами, медами и добрыми наливками, остались по прежнему при старой вѣрѣ и при своихъ промыслахъ. А ревностный свой подвигъ архіерей на послѣдокъ увѣнчалъ обрѣзаніемъ бороды Воропанова; но какъ,

по силѣ древней пословицы: «волосъ глушь, онъ вездѣ растетъ», то и Воропанова борода послѣ выѣзда архіерейскаго выросла по прежнему, не меньше архіерейской.

Въ Бѣлопольѣ архіерей изъяснялъ обѣдню; въ прочихъ мѣстахъ говорилъ поученія, соображаясь свойствамъ и состояніямъ паствы своей. Я и въ семь походѣ не остался безъ труда. Переписка поученій занимала меня не рѣдко по цѣлой почти ночи, но трудъ сей растворяемъ былъ наградою, отъ часто-посвящаемыхъ ставлениковъ.

Издержки дорожныя не тяготили не только преосвященнаго, но и весь его штатъ, потому что вездѣ было всего совершенное довольство. Промыслъ Вышняго не оставлялъ безъ награжденія труждающихся, поющихъ и предстоящихъ на тотъ конецъ, чтобъ имѣть велию и богатую милость, почему и возвратились домой сыты.

§ XII.

И ж а н н ы.

1770 года, января 18-го наступило торжество тезоименитства его преосвященства. Я, отъ угобзенія моихъ доходовъ, сдѣлалъ себѣ новую пару платья. Нарядясь въ нея, пошелъ я въ числѣ прочихъ официалистовъ поздравить его преосвященство по утру. Архіерей, увидя меня нечаянно-переодѣтаго въ нѣмецкое платье, ибо я до того времени какъ и всѣ, кромѣ консисторскихъ, одѣвался въ обыкновенныя шинели и сюртуки и, не говоря ни съ кѣмъ, спросилъ: «давно ли ты сдѣлалъ обнову?» «Къ дню тезоименитства вашего преосвященства», отвѣтствовалъ я. «Спасибо», потѣшилъ меня архипастырь.

. Потомъ, давъ благословеніе и отпустивъ насъ отъ себя, вскрикалъ меня изъ передней кельи, и сѣдше на канапе, говорилъ мнѣ почти точно такъ, какъ слѣдуетъ подъ симъ: «Послушай Добрынинъ, ты знаешь, что у меня сегодня много запрошено гостей къ обѣду; знаешь сколь я люблю порядокъ, и знаешь сколь я нетерпѣливъ тамъ, гдѣ я вижу непорядокъ; посуди-же и познай, могу-ли я быть нынѣшній день спокоенъ? ты знаешь, что у меня келейный Васильевъ, отъ котораго долженъ зависѣть весь порядокъ, любить хлебнуть черезъ край; человѣка не имамъ! Иному бы моему брату, русскому архіерею, было сіе нечувствительно, но я—французъ! я имѣлъ случай быть въ Парижѣ разъ, но не буду

и не желаю имѣть случая выбить изъ себя порядка и чистоты парижской. При такихъ моихъ обстоятельствахъ нужна мнѣ твоя служба, которую прими ты на нынѣшній только день вмѣсто моего велейнаго. Я надѣюсь, что ты и въ оемъ случаѣ не меньше мнѣ угодишь, сколько я былъ тобою до нынѣ доволенъ».

Я отвѣтствовалъ, что «всѣми силами стараться буду угодить вашему преосвященству; прошу только милостиво перенести, если я по неопытности моей въ теперешней должности, и по краткости времени,—ибо былъ уже 9-й поутру часъ—въ чемъ-нибудь проступлюсь противъ правилъ порядка и чистоты парижской».

Архіерей при семъ всохотнулъ — можно сказать — противъ природы; ибо онъ не былъ сотворенъ къ искреннимъ веселостямъ и смѣяться не умѣлъ.

— «Нѣтъ, мой другъ, сказалъ онъ, я теперь отъ тебя требую одного только твоего усердія».

Потомъ, взявъ меня за руку, привелъ въ свой кабинетъ, поручилъ швагъ съ серебромъ и комодъ съ бѣльемъ, принадлежащимъ къ столу.

Когда преосвященный пошелъ въ публичной церемоніи въ церковь на служеніе, то я, именемъ его, потребовалъ отъ консисторіи запискою двухъ канцеляристовъ, стряпчаго, двухъ подканцеляристовъ и двухъ копіистовъ. Каждому опредѣлили должности: одному поручилъ подъ счетомъ серебро, другому бѣлье, третьему стекло.

Стряпчему, какъ блюстителю интереса, приказалъ быть въ кухнѣ, чтобъ кушанье отпускаемо было на столъ, подъ собственнымъ его присмотромъ и наблюдениемъ, дабы, паче чаянія, иное блюдо не зашло, вмѣсто архіерейскаго стола, къ какому-нибудь старцу въ келью по прежнему обыкновенію, которымъ и мнѣ пользоваться случалось, а остающееся отъ стола относилось бы въ опредѣленный на то покой.

Буфетъ принялъ я на себя. Потребовалъ отъ ключника по нѣскольку бутылокъ всѣхъ напитковъ, какія въ погребу имѣлись, давъ ему на то реестръ. Остальнымъ приказнымъ приказалъ быть у перемѣны тарелокъ съ помощью гостинныхъ слугъ.

Сей новый штатъ учредилъ я по той нуждѣ, что комплектъ

службъ преосвященнаго состоялъ изъ одного молодого пьянаго велейнаго, одного изъ пѣвчихъ малолѣтнаго, отправляющаго должность ординарца, одного ключника и двухъ истопниковъ.

До возвращенія изъ церкви, столъ былъ накрытъ въ залѣ, а въ гостинной набрана закуска. За столомъ кушали персонъ до 50. Изъ знатнѣйшихъ, кромѣ духовныхъ—были госпожа полная генеральша Катерина Григорьевна Племянникова, рожденная графиня Чернышова съ дочерью и внучкою, и прочими господами и барышнями, изъ мужчинъ были воинскіе, штатскіе и гражданство.

Въ продолженіе стола, сталъ я по правую сторону кресель архіерейскихъ, гордясь представленіемъ изъ себя перваго архіерейскаго служителя. Г-жа генеральша молвила за столомъ: «я у васъ вижу, преосвященный, новаго дворецкаго». Архіерей отвѣтствовалъ: «да, можетъ быть онъ заступитъ это мѣсто». Ея превосходительство, смотря на меня, примолвила: «благородное лицо»; дамы, услыша о благородномъ лицѣ, кинули на меня благородные взгляды. Я простоялъ нѣсколько на сѣмъ смотрѣ; но дабы боля не краснѣть, ускорилъ пойти отъ стола, для отправленія по должности своихъ гостей.

Понѣже я въ наложенномъ на меня теперешнемъ званіи былъ не опытенъ, то отозвавши въ буфетъ воеводскаго лакея, на знаніе котораго могъ я понадеяться, потому что господинъ его на столы былъ великой щеголь *), и почествовавши виномъ, спросилъ: «за что мнѣ приниматься, когда встанутъ изъ-за стола?» Онъ меня наставилъ, что «послѣ обѣда пьютъ кофій и проч. и проч., но прежде всего надобно набрать въ гостинной десертъ», заключилъ добрый рабъ и побѣжалъ.

Не мало мнѣ стоило труда узнать и отыскать архіерейскій кофій, а занять было не у кого, въ російскихъ монастыряхъ не во употребленіи. А домъ архіерейскій, не что иное какъ монастырь. Служители, собранные мною для открытія кофій, согласно показали, что кофій есть, но гдѣ онъ хранится, долженъ знать велейный Васильевъ, для поиска котораго отправлены были нарочные; но только что онъ появился въ буфетъ, тотчасъ и бросился на рюмки стоявшія на подносѣ, какъ желѣзо на магнитъ. А

*) Новгородскій помѣщикъ Иванъ Осіевичъ Пустошкинъ. Г. Д.

какъ онъ сильно уже былъ намагниченъ, то сброся ихъ съ подноса на столъ, почти всѣхъ ихъ ранилъ, нѣкоторыхъ разогналъ по столу, въ полонъ ни одна не досталась, потому что всѣ были порожни; за что я, — возбужденъ будучи тогдашними суетами, бросаясь часто самъ по всѣмъ рядамъ, и находя на всѣхъ почти пунятахъ безтолковщину, — далъ ему сгоряча самую сильную подщочину, на основаніи воинскаго права: «кто пьянъ, тотъ дважды виноватъ».

Между тѣмъ, кофій сысванъ и изготовленъ вышеупомянутымъ моимъ менторомъ, воеводскимъ человѣкомъ.

По окончаніи стола, свѣтскія госпожи вскорѣ разѣхались по домамъ, а преосвященный, оставшись со своими домашними и съ приѣзжими гостями, какъ время сближалось къ вечеру, отдалъ приказъ подавать горячій пуншъ.

Въ продолженіе попойки, при свѣчахъ, преосвященный сдѣлалъ мнѣ милостивое предложеніе: «не хочу-ль я опредѣлиться въ консисторію копіистомъ?»

Но, какъ говорится, «другое время, другія и мысли», что самое и со мною случилось. Еслибы званіе консисторскаго копіиста, предложено мнѣ было при вступленіи въ домъ архіерейскій, я охотно бы его принялъ; а въ настоящемъ моемъ положеніи казалось мнѣ, какъ будто меня жалуютъ алтыномъ въ такую пору, когда я не нуждаюсь въ рублѣ. Итакъ, когда я объявилъ мое нежеланіе на предложенную милость, архіерей разсудилъ за благо приняться доказывать мнѣ, при помощи пунша, многія преимущества сопряженныя съ достоинствомъ копіиста. Убѣдительныя его доказательства, столько во мнѣ подѣйствовали, «какъ горохомъ объ стѣну».

Подобаетъ вѣдати, что будучи я взятъ въ услуги его преосвященства на одинъ только день, продолжалъ оныя чрезъ всѣ дни пировапія.

§ XIII.

Продолженіе и періодъ имянинъ.

Оставшіеся съ архіереемъ духовные гости, изъ которыхъ первые были: рыльскій архимандритъ Іакинфъ Карпинскій, пугивльскій игумень Мануилъ Левицкій, брянскій игумень Тихонъ Забѣла, чолпскій игумень Антоній Балабуха, брянскій протопопъ Василій Константиновъ и проч., принуждены были нѣсколько

сутокъ съ ряду, торжествовать день тезоимянитства своего архипастыря, такъ что по неволѣ были совершенно духовными, ибо тѣлесныя ихъ лица потеряли образъ свой и подобіе, кромѣ архимандрита Карпинскаго, который по натурѣ не могъ ничего пить кромѣ чаю и чистой воды.

Всякое дѣло имѣетъ свои послѣдствія: нѣкоторые изъ гостей заболѣли обыкновенными послѣ такихъ трудовъ припадками, и съ изнеможенными чувствами развѣхались по домамъ. Но игуменъ и протопопъ брянскіе дороже заплатили за иянины. Первый, отправившись въ свой монастырь, почувствовалъ на пути водяную болѣзнь, къ которой онъ былъ почти по природѣ склоненъ, и которую противъ воли раздражилъ и ускорилъ напитками и бессонницею, не въ правѣ будучи выступать изъ шеренги командуемой архипастыремъ; мѣсяца чрезъ четыре полученъ рапортъ, что его преподобіе отправился въ царство безсмертныхъ.

Второй—получилъ горячку, и въ безпамятствѣ забѣжалъ на архіерейскую конюшню; тамъ встрѣтился онъ съ бывшимъ въ числѣ гостей, малорослымъ изъ города Карачева священникомъ Осипомъ Соколовымъ. Соколовъ счелъ, что протопопъ «по дѣйству діаволу съ ума сошолъ». Началъ увѣщевать его отъ писанія, и читать заклинительныя молитвы, дабы отступилъ отъ него злой духъ, который, по словамъ Соколова, «вогнѣдился въ протопопа». Но какъ сія операція ничего путнаго не произвела, кромѣ что протопопъ изрѣдка тихонько вскрикивалъ: «архипастырь Божій! помилуй! Я пить не хочу!» то благоговѣйный Соколовъ, взнесъ сіе дѣло въ архіерею на благоразсмотрѣніе и коль-скоро вступилъ въ келью и сталъ передъ архіереемъ, тотъ-часъ сдѣлалъ руки, вздернулъ плечьями, и подпустивъ глаза подъ лобъ, вѣщалъ: «вотъ до чего, владыко святѣй, науки доводятъ человѣка! Отецъ протопопъ брянскій, не возмощи ихъ вмѣстити во главу свою, изступи ума, и не вѣсть что глаголетъ, являясь яко неистовъ». «Да не сошолъ-ли ты самъ съ ума?» спросилъ его архіерей, потомъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «поди съ лѣбаремъ посмотри, что сдѣлалось протопопу?»

Мы нашли его стоящаго въ стойлѣ подлѣ конскихъ яслей. Волосы у него висѣли равномерно на всѣ стороны, губы сдѣ-

зались темновинными, и когда лѣбарь просилъ его показать языкъ, то онъ отвѣтствовалъ: «нѣтъ-нѣтъ, господа келейники, не удастся вамъ меня запить». Мы тотъ часъ приказали отвести его для пользованія на квартиру въ архіерейской сестрѣ, жившей на братнемъ содержаніи, гдѣ, когда лѣбарь хотѣлъ ему дать холодительный порошокъ, то больной нашъ вскричалъ: «вино-вино-вино!»

Лѣбарь Павелъ Ивановичъ Вицъ не пропустилъ увѣрять его дружески, что это не вино, а холодительный порошокъ, который нужно ему принять по науцѣ медицины теорической и практической, дабы не допустить себя до обдирукціи альви, и внутренней гангрены. «Сіе средство — продолжалъ лѣбарь — употребляемъ мы упредительно кровоупусканію и визикаторіямъ; ибо теперь у васъ засорившіеся нервы, не имѣютъ надлежащей циркуляціи сангвинисъ, отчего и біеніе пульса у васъ непорядочно». Послѣ сей рѣчи, имѣли мы нужду отца протопопа придержать, и влить въ него насильно красной порошокъ съ водою, на тотъ манеръ, какъ поступають коновалы съ лошадьми.

Протопопъ оздоровѣлъ и уѣхалъ во свое жилище. А между тѣмъ какъ всѣ гости, или лучше сказать страдальцы, развѣзжались, какъ игуменъ былъ въ водяной болѣзни, протопопъ въ горячкѣ, а Соколовъ читалъ залинательныя молитвы, келейный Васильевъ принесъ на меня жалобу, за вышесказанную данную ему отъ меня подщочину. За что преосвященный сильно на меня вознегодовалъ, и жалуюсь мнѣ прежде на пьянство своего келейнаго, теперь какъ будто предпринималъ защищать оное. Въ заключеніе же своего гнѣва, приказалъ, чтобъ я заплатилъ келейному его Васильеву рубль. Очень ясно, что онъ все сіе дѣло, состоящее въ трехъ канцеляріяхъ, то-есть, въ его гнѣвѣ, въ безпутствѣ келейнаго, и въ подщочинѣ, оцѣнилъ не дороже рубля. Симъ кончилось временное мое служеніе, и я обратился къ первымъ должностямъ.

§ XIV.

Путешествіе въ Кромы и Орелъ и возвращеніе.

Отдохнувши отъ тезоимянитства, двинулись «осмотрѣть благочинія» чрезъ Кромы въ Орелъ въ мартѣ мѣсяцѣ.

Въ городѣ Кромахъ, лишь только вступилъ преосвященный въ соборную церковь, тотчасъ обратилъ свое вниманіе на рѣз-

ную женскую статую, вырѣзанную въ ростъ не малорослой женщины, и въ подобіе поселянокъ тамошняго уѣзда, которую Кромскіе жители называли святою пятницею; велѣлъ ее тогда же принять, обшить въ рогожку и поставить подъ колокольню за замокъ на вѣчныя времена.

Народъ жалѣлъ о пятницѣ *), проклиналъ архіерея; архіерей увѣренъ былъ и увѣрялъ, что онъ избавилъ народъ отъ сѣвѣрія. Смѣясь же, — не знаю къ стати ли, — слѣпой народной привязанности въ дереву, приказалъ своему подьяку Петру Максимову цѣловать зашитую въ рогожку статую пятницы, когда ее выносили изъ церкви. Бѣдный Максимовъ въскорѣ послѣ сего заболѣлъ простудною горячкою и бывши потревоженъ переѣздомъ чрезъ 30 верстъ въ сырую и холодную погоду изъ Кромъ въ Орель, умеръ тамъ, на 24-мъ году отъ рожденія. Онъ одинъ былъ сынъ у матери, и архіерей объ немъ жалѣлъ; я плакалъ, а Кромскіе жители, узнавъ о его смерти, — причли смерть его цѣлованію пятницы.

Вѣздъ преосвященнаго въ Орель ознаменованъ былъ по всѣмъ церквамъ колокольнымъ звономъ. При каждой проѣзжаемой церкви, священство было въ ризахъ со крестами, дьяконы въ стихаряхъ съ кадилами, дьячьи и пономари со святою водою въ чашѣ, со свѣчами въ подсвѣчникахъ. Народъ — по улицамъ, народъ — по заборамъ, и по всѣмъ возвышеніямъ, гдѣ только можно пристать и удержаться. А въ богоявленской церкви, въ которую было ожидаемо вшествіе преосвященнаго, набилось всякаго чина и званія, пола и возраста православныхъ христіанъ такъ плотно, какъ въ Ригѣ на корабляхъ укладываютъ мачты.

По выходѣ изъ церкви, поздравляли пастыря съ приѣздомъ градоначальникъ со всѣми чиновниками. На завтра, все духовенство и купечество, — вчерашніе поздравители, — это было въ 1-мъ часу пополудни, пили у насъ водку, ѣли хлѣбъ, иеру, семгу, голандскія сельди, сыръ и проч. Севоднѣшніе — нанесли намъ хлѣбовъ, сахару, чаю, кофію, лимоновъ, рыбы, и проч....

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Городъ Кромъ состоялъ изъ однодворцовъ, и былъ не лучше обыкновенной деревни, въ которой живутъ, обыкновенно, хлѣбопашцы. Г. Д.